

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Теория и история государства и права»

(наименование кафедры)

40.06.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

(направленность (профиль))

НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему **Предмет правонарушения**

Аспирант

Л.В. Стародубова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Д.А. Липинский

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к представлению научного доклада

Заведующий кафедрой

д.ю.н., профессор В.Г. Медведев

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 ____ г.

Тольятти 2021

Содержание

Введение.....	3
1. Понятие правонарушения.....	9
1.1. Понятие правонарушения и его состава	9
1.2. Концепции предмета правонарушения в юридической науке.....	25
2. Понятие предмета правонарушения и его место в составе правонарушения	38
2.1. Понятие и признаки предмета правонарушения	38
2.2. Место предмета правонарушения в составе правонарушения	51
2.3. Соотношение предмета и объекта правонарушения.....	61
2.4. Соотношение предмета правонарушения и потерпевшего	71
3. Виды предметов правонарушения.....	82
3.1. Предмет правонарушения в материальном праве	82
3.2. Предмет правонарушения в процессуальном праве	92
Заключение.....	102
Список используемой литературы.....	107

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что современная юридическая литература не содержит в себе исследований предмета правонарушения, его места в составе правонарушения, признаков и взаимосвязи с иными элементами состава правонарушения. Все исследования, так или иначе затрагивающие проблему осмысления предмета правонарушения и его свойств, были проведены авторами исключительно в рамках их отрасли. Чаще всего вопрос предмета правонарушения затрагивался авторами в рамках наук уголовного и административного права.

Тем не менее, общетеоретическое понимание предмета правонарушения и его свойств крайне важно и необходимо как минимум по той причине, что общая теория права это первоисточник знаний и концепций, в дальнейшем распространяемых на отдельные отрасли и смежные дисциплины. Понимание гражданской или уголовной ответственности проистекает от понимания юридической ответственности в целом, из концепции такой ответственности, разработанной в рамках общей теории права.

И проблема была бы менее значимой, если бы в теории права присутствовали хоть какие-либо взгляды на общую концепцию предмета правонарушения, пусть и разнообразные – устранить имеющиеся противоречия не так уж и сложно. Гораздо сложнее разработать концепцию с нуля, что и обуславливает не только актуальность, но и определенный уровень сложности настоящего исследования.

Безусловно, в отраслевых правовых науках уже имеются определенные взгляды авторов на то, чем выступает предмет правонарушения, какое место он занимает в составе правонарушения, как соотносится со смежными признаками состава правонарушения. Однако, во-первых, несмотря на обилие отраслевых исследований, мы не можем обнаружить единообразную и общепринятую позицию по данным вопросам, и, во-вторых, такой факт не

является неким оправданием для отсутствия концепции предмета правонарушения в общей теории права.

Таким образом, высочайшая степень актуальности настоящего исследования обусловлена отсутствием какой бы то ни было концепции предмета правонарушения в общей теории права.

Резюмируя вышеизложенное, **целью** настоящего исследования выступает полная разработка теории предмета правонарушения в рамках общеправовой теории, исключая аспекты отраслевого влияния.

Объектом исследования выступает концепция предмета правонарушения в общей теории права, не привязанная по каким-либо своим характеристикам к отраслевым правовым наукам и прежде всего наукам уголовного и административного права.

Предметом исследования стали научные труды авторов, посвященных теории правонарушения и теории общественного отношения, положения действующего отечественного законодательства, а также акты правоприменительной деятельности (в особенности, судебная практика).

Достижение озвученной ранее цели мы связываем с выполнением следующих задач в рамках настоящего исследования:

- рассмотрение понятия правонарушения и его состава для определения отправной точки настоящего исследования;
- изучение имеющихся в современной правовой науке мнений и взглядов на предмет правонарушения;
- определение предмета правонарушения применительно к теории правонарушения в рамках общей теории права, а также выявление признаков данного явления;
- определение места предмета правонарушения в составе правонарушения и обоснование полученных выводов;
- анализ взаимосвязи предмета правонарушения с иными смежными категориями – объектом правонарушения и потерпевшим;
- рассмотрение классификации и видов предметов правонарушения.

Методологическим базисом настоящего исследования выступили всеобщие, общенаучные и специальные методы научного познания. В настоящей работе применялись диалектический, системный, логический, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также иные методы научного познания.

Теоретической основой исследования выступили труды теоретиков как в сфере общеправовой теории, так и в рамках отраслевых юридических наук, посвященные теории правонарушения, теории общественного отношения и правоотношения в частности, а также иным теориям в рамках общеправовой науки, наук административного, уголовного, гражданского и прочих отраслей права. Сюда можно отнести труды следующих авторов: Г.А. Ожеговой, В.В. Лазарева, И.А. Исаева, Ю.А. Тихомирова, В.Н. Кудрявцева, Н.И. Коржанского, В.С. Нерсисянц, А.В. Кузнецова, С.Н. Кожевникова, И.С. Самощенко, Л.Д. Гаухмана, Д.А. Липинского, Д.Н. Бахрах и других.

Степень научной разработанности темы исследования является крайне низкой в связи с отсутствием каких-либо значимых исследований в теории предмета правонарушения в рамках общей теории права.

Новизна исследования заключается в том, что предпринята первая попытка разработать основные положения теории о предмете правонарушения в рамках общей теории права, исключая специфику теории и практики отдельных отраслей права.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты настоящего исследования обладают и теоретической, и практической значимостью. Теоретические положения и выводы могут быть использованы в ходе дальнейшего научного исследования теории предмета правонарушения, в общей теории права и осмыслении различных аспектов предмета правонарушения, его места, а также его взаимосвязи с иными элементами состава правонарушения. Теоретические выводы настоящего исследования можно применить при чтении лекций по курсу теории

государства и права, истории политических и правовых учений, а также иных специальных курсов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предметом правонарушения могут выступать элементы как овеществлённой материи, так и не овеществлённой (энергия, информация и прочее). Такой вывод следует из того, что любая человеческая деятельность носит предметный характер. Таким образом, принятие положения о том, что предметом правонарушения может выступить исключительно элемент вещественной материи, приводит нас к проблеме беспредметных правонарушений и, соответственно, беспредметной деятельности, что нарушает основные постулаты философской и юридической наук.

2. В число признаков предмета правонарушения входят:

- обусловленность правовой нормой;
- правовая охрана;
- часть материи любого рода;
- элемент общественного отношения;
- проводник вреда на само общественное отношение.

Поскольку любое явление определяется совокупностью признаков, его индивидуализирующих, мы, используя изложенные выше признаки предмета правонарушения, предлагаем определение предмета правонарушения в рамках общей теории права. Предметом правонарушения, таким образом, выступают части материи любого рода (овеществленной и не овеществленной), находящиеся под правовой охраной и выступающие элементом общественного отношения, через воздействие на которые причиняется вред общественному отношению в целом.

3. Предмет правонарушения как один из признаков правонарушения надлежит рассматривать в его составе в числе признаков группы объективной стороны правонарушения.

4. Проблемы соотношения предмета и объекта правонарушения необходимо разрешать с учетом ряда методологических моментов, оказывающих существенное влияние на ее разрешение:

– в ходе правонарушения оказывается непосредственное воздействие на предмет правонарушения, но вред предмету наносится далеко не во всех случаях;

– воздействие правонарушителем на предмет есть фактор оказания негативного воздействия на общественное отношение в целом;

– в качестве предмета правонарушения может выступать любой из его элементов, кроме его субъектов.

Таким образом, следует, что предмет правонарушения одновременно выступает и признаком правонарушения, и элементом правонарушения. В различных ситуациях под предметом правонарушения мы можем понимать одну из следующих категорий: объект отношения (объект именно общественного отношения, но не объект правонарушения), связи социального характера, непосредственные действия сторон отношения.

5. Соотношение предмета правонарушения и потерпевшего выглядит следующим образом – предметом правонарушения выступают элементы материи, находящейся под правовой охраной, через негативное воздействие на которые причиняется вред общественным отношениям, а потерпевший – это элемент правоотношения, не могущий, с нашей точки зрения, выступать ни объектом правоотношения, ни его предметом.

6. Классификация предметов правонарушения в материально-правовом контексте выглядит следующим образом. В первую очередь, предметы правонарушения по признаку «овеществленности» делятся на две крупные категории – материальные и нематериальные предметы правонарушения. Вторые, в свою очередь, подразделяются на те, что имеют отношение к правовому полю, и те, что нет. Также предметы правонарушения по основанию предмета правового регулирования могут быть классифицированы по отраслевому признаку. Помимо прочего, по основанию

их места в составе правонарушения они могут быть основными, квалифицирующими и санкционными.

Апробация работы. Материалы настоящего исследования используются в учебном процессе при преподавании ряда курсов общего и специального характера в Тольяттинском государственном университете, а также при подготовке к написанию и публикации научных статей и к участию в научных конференциях. Выводы из настоящего исследования апробированы при написании трёх статей: «Злоупотребление правом на примере потребительского экстремизма», «Влияние факторов доверия к судебной системе и проявлений правового нигилизма на доступность правосудия в Российской Федерации», «Факторы доступности правосудия: определение и классификация», упомянутых в тексте настоящей работы, а также отображённых в списке используемой литературы.

Структура настоящего исследования обусловлена означенной ранее целью и вытекающими из нее задачами. Структура исследования включает в себя введение, три главы, состоящие из восьми параграфов, заключение и список используемой литературы.

1. Понятие правонарушения

1.1. Понятие правонарушения и его состава

Если мы проведём анализ общенаучных литературных источников, то мы выясним, что все они сходятся к единому консенсусу – через понятие выражается бытие предметов в языке, а также формы существования и взаимодействия субъектов между собой [1, с. 526-527]. Применительно же к научной сфере человеческой деятельности понятие это «содержательные представления относительно закономерного и существенного в тех или иных явлениях, процессах, происходящих в окружающем мире» [2, с. 82].

Процесс научного познания раскрывается в постепенном переходе от явлений к наполняющей их сущности, в силу чего лучшим вариантом выступает изучение определённого явления, осознание его восприятия, а на следующем этапе научного познания – изучение в «понятии явления», для последующего перехода к анализу «понятия сущности». В такой ситуации каждому индивидууму требовалось бы постигать окружающий его мир в определённой неестественной среде, где он смог бы наблюдать за явлением, а уже после этого постепенно переходить к процессу его всестороннего познания. Но в реальном мире такое не случается, так как, родившись и осознав себя, каждый индивидуум получает через свой родной язык немалое множество слов и терминов, предопределенно закрепляющих то или иное явление через его понятие.

Аксиомой в общенаучной литературе стало утверждение о том, что понятие того или иного явления появляется через абстрагирование от его индивидуальных и непосредственных характеристик, останавливая свое внимание только и исключительно на родовых, общих качественных характеристиках явления: субъектом познания берется нечто общее, а от него отсекается единичное. Но в нашей реальности процесс абстрагирования происходит по несколько иному процедурному пути, поскольку «отвлечь

нечто от другого нечто можно лишь тогда, когда уже имеют то, от чего абстрагируют, когда оно уже установлено» [1, с. 527]. Некоторое, если так можно выразиться, «предварительное понимание», «предварительное осознание» того, чем выступает определенное понятие, отдельная категория науки, как считают ряд философов, человек имеет с раннего детства, с момента начала им процесса овладения речью, поскольку такое вплоть до некой рефлексии заложено в человеческом языке и человеческом сознании [1, с. 527]. Исходя из вышесказанного «разглядеть», осознать, понять истоки того или иного явления (социального, правового или любого иного) возможно только и исключительно через понятие, разработанное в рамках научной деятельности для его обозначения. В означенном контексте не может являться исключением и понятие «правонарушение».

Право, посредством регулирования и упорядочивания общественных отношений, оказывает определенное воздействие на поведение отдельного индивидуума или целой группы индивидуумов. Исходя из основания тождественности поведения индивидуумов требованиям правовых норм мы можем говорить о либо правомерном, либо неправомерном их поведении. Правомерным называется такое поведение индивидуума, которое им осуществляется исключительно в рамках, продиктованных правовыми предписаниями, не противоречит им и не оказывает негативного воздействия на интересы личности, общества и государства.

Безусловно, существенная часть, можно даже сказать – подавляющее большинство, субъектов правовых отношений действуют именно таким образом, что их поведение можно назвать правомерным. Поведение, не противоречащее правовым предписаниям, законопослушное поведение, можно охарактеризовать добровольным и осознанным подчинением индивидуумов требованиям правовых норм. Такое поведение являет собой некий сам по себе конечный результат, к достижению которого стремится любое государство, выражающее свою волю через нормативные правовые акты. Посредством правомерного поведения субъектов права государством

обеспечивается правопорядок, порядок, при котором очевидна доминанта права в общественных отношениях, который абсолютнейшим образом необходим для построения надлежащим образом функционирующих общества и государства.

Очевидной противоположностью правомерного поведения субъектов права выступает неправомерное поведение, выражающееся и характеризующееся несоблюдением требований закона и правовых предписаний, осознанном неисполнении или ненадлежащем исполнении возложенных правом на индивидуума обязанностей – в его действиях, которые предпринимаются им вопреки правовым нормам.

Довольно типичной и самой распространенной формой неправомерного поведения выступает правонарушение.

Если мы проанализируем ряд источников в юридической литературе то станет очевидно, что правовое явление правонарушения и связанный с ним термин, на протяжении длительного времени давно вызывали немалый интерес у авторов. Например, учёные, проводили исследования о данном явлении в его взаимосвязи с рядом иных поступков субъектов, выступающие юридически значимыми и оказывающими непосредственное влияние на динамику общественных отношений.

Исторические корни изучаемого в настоящем параграфе понятия мы можем обнаружить в далеком прошлом человеческой цивилизации. Они проистекают от принятых в древних обществах взглядах и представлений по поводу таких категорий, как добро и зло, справедливое и честное, достоинство и добродетель, которые уже тогда выступали некими критериями морально-нравственной и, помимо прочего, юридической составляющей оценивания поступков индивидуумов.

Как пишет ряд авторов, посвятивших свои исследования древнейшим временам человеческой цивилизации, в эпоху существования неписаного права реакция на нанесенную кому-либо так называемую «обиду» являлась компетенцией того самого «обиженного», таким образом, оно существовало

как «личное дело частных лиц» [3, с. 166]. Такому историческому периоду можно приписать свойство разрешения происходящих конфликтов между людьми через применение насилия к правонарушителю. «Институт мести» в описываемых случаях выступает как некий прообраз, прародитель понятия юридической ответственности. Более того, даже самые ранние стадии развития человеческой цивилизации можно охарактеризовать присутствием в обществе неких представлений о примитивных, неразвитых формах процесса, «упорядочивающих конфликтную ситуацию спора или наложение наказания за действия, близкие к преступлению или являющиеся таковыми» [4, с. 52-57].

Таким образом, на ранних исторических этапах как источники юридических правонарушений, а также, безусловно, и юридической ответственности за такие правонарушения, существовали нормы первобытной морали родоплеменных обществ, и, помимо прочего, существовавшие тогда традиции, обычаи и ритуалы, свойственные таким обществам. Не последнее по своей значимости место в зарождавшемся правовом поле цивилизации занимали религиозные правила, которые были в те времена всеобщими нормами, распространяющими свое действие на всех и каждого. Позднее, в ходе исторического развития, названные выше правила, обычаи, ритуалы, а также религиозные нормы постепенно начали переходить в юридическую плоскость, эволюционно закрепляясь в нормах юридических актов, таким образом трансформируясь в современные юридические нормы.

Можем попробовать проследить названную историческую тенденцию через призму истории государства и права России. В качестве примера данного процесса мы можем привести памятник древнерусского права «Русская Правда». Указанному нормативному акту было свойственно сохранение и закрепление ряда элементов древнерусских традиций и обычаев, непосредственно связанных с действием так называемого «принципа талиона» («око за око, зуб за зуб»), который более простым языком можно назвать как кровная месть. Тем не менее, мы не можем не

отметить, что уже и в означенный исторический период, в рамках которого была разработана «Русская правда», можно отметить ряд отдельных изменений. Мы отмечаем смещение вектора в целях наказания правонарушителя за его противоправное поведение от кровной мести и общественного возмездия за совершенное им деяние в сторону большего приоритета на возмещение причиненного им ущерба (не только материального, но и даже морального) [5].

Праву римского государства, которое в наше время выступает фундаментом всех европейских правовых систем, в том числе и правовой системы Российской Федерации, также было свойственно толкование понятия «правонарушение» через использование для его раскрытия таких слов и терминов, как «обиженный», «месть» и «удовлетворение обиженного». И, помимо прочего, ряда иных, которые свидетельствуют об источнике правонарушения как социального конфликта [6].

Резюмируя, мы можем сделать вывод о том, что корни понятия и явления правонарушения можно обнаружить в явлении социального конфликта, которые возникали в то время как следствие нарушения существовавших тогда предписаний правовых норм, проистекавших из общепринятых, традиционных для ранних обществ всеобщих правил поведения. Но какой-либо малейшей терминологической четкости, позволившей бы нам уверенно говорить о тождественности тех или иных явлений, в описании данной категории исследователями не наблюдалось.

Но, мы полагаем, что важно отметить тот факт, что и советский период развития отечественной юридической науки практически до 1960-х годов XX века нельзя охарактеризовать наличием терминологической четкости в употреблении термина «правонарушение». Отраслевые юридические науки, в рамках которых изучалось содержание данной научной категории, чаще всего, лишь пытались описать её с помощью применения некоторых понятий, из которых можно выделить, например, «деликт», «проступок» или «преступление». Только лишь после написания в 1963 году небезызвестной

монографии И.С. Самощенко «Понятие правонарушения по советскому законодательству» был заложен фундамент становлению общего для всей юридической науки общетеоретического понимания термина «правонарушение» как родового общего термина в науке права. Именно И.С. Самощенко, помимо прочего, также принадлежит достижение в объединении в единую теорию имеющихся в тот период времени отраслевых научных знаний об основных признаках правонарушения.

На современном этапе развития юридической науки авторы в своих работах дают немалое количество разного рода и происхождения определений термину правонарушение, посредством которых они обобщают те или иные наборы его признаков (более или менее полно).

Тем не менее, для упорядочения изложения рассматриваемой темы, мы полагаем необходимым указать на тот факт, что явление правонарушения в самом общем его виде необходимо рассматривать с двух различных (но не взаимоисключающих друг друга) позиций: как явление социального характера и как правовое явление.

На самом деле, в качестве правонарушения мы воспринимаем некое явление в жизни общества, являющееся негативным с позиции своей социальной направленности, так как посредством означенного явления причиняется определенный вред для естественного и системного развития отношений внутри общества. Помимо прочего, такое явление требует правового реагирования со стороны государства к каждому случаю его возникновения. Правонарушение выступает в данном контексте одной из нескольких разновидностей повторяющегося поведения индивидуумов, опирающееся на их свободу воли и выступающее в качестве крайне распространенного и повсеместного способа реализации этой воли, вступающей, тем не менее, в конфронтационное взаимодействие с нормами, изложенными в действующем законодательстве.

Таким образом, мы полагаем необходимым признать истинной ту позицию, согласно которой явлению правонарушения присущи социальные

корни, а также оно само выступает как один из видов социального явления, однако, подобная принадлежность, тем не менее, не исключает, очевидно, наличествующей у рассматриваемого явления правовой сущности [7].

Помимо прочего мы вынуждены согласиться с мнением о том, что сущность каждого понятия или явления в большей мере гораздо легче понять и осознать в тех случаях, когда его определение приведено в положениях действующего законодательства [8, с. 25]. Резюмируя, сущность нарушения права в контексте его юридической природы нам хотелось бы проанализировать сквозь призму правового регулирования его понятия.

Здесь можно отметить тот факт, что нормативные определения ряда разновидностей явления правонарушения государством прямо содержатся в правовых нормах. Например, если говорить о преступлениях в рамках уголовно-правовой сферы, то их определение приведено в ст. 14 Уголовного кодекса РФ [9], где сказано о том, что под данным понятием необходимо понимать «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Также можно привести и определение административного правонарушения, содержащегося в ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ [10], в которой сказано, что под ним законодатель понимает «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность».

Приведем еще одно определение разновидности правонарушения, которое мы можем обнаружить в положениях действующего налогового законодательства Российской Федерации. В ст. 106 Налогового кодекса РФ [11] государство указало определение термина «налоговое правонарушение». Определение раскрыто в положениях Кодекса как «виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние

(действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность».

Можно обратить внимание на сферу трудовых отношений, где государство закрепило нормативную дефиницию правонарушения в сфере труда. Государство устанавливает свою позицию в ст. 192 Трудового кодекса РФ [12], в которой указано, что дисциплинарным проступком (неким аналогом правонарушения в трудовой сфере) является «неисполнение либо ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания».

Резюмируя, мы вправе отметить следующее. Исходя из приведенных норм российского права, правонарушение представляет собой «виновное, противоправное деяние деликтоспособного лица, наносящее вред обществу, характеризующееся опасностью, влекущее за собой юридическую ответственность». Приведенное нами определение объединяет совокупность признаков, присущих рассматриваемому социальному явлению с негативными последствиями. Помимо прочего, позволяет нам отметить его сущность и правовую природу, состоящие, как мы полагаем, соглашаясь с доминирующей в правовой науке позицией, в нарушении субъектом правонарушения предписаний правовых норм, что влечет за собой применение к нарушителю ряда мер юридической ответственности со всеми негативными последствиями, прямо из этого вытекающими.

В дальнейшем в настоящем параграфе мы хотели бы рассмотреть ряд явлений и категорий, которые на первый взгляд кажутся либо тождественными правонарушению, либо очень близкими по содержанию к нему категориями и явлениями.

Например, мы полагаем, что есть определенная необходимость разрешить вопрос соотношения явления правонарушения и такой категории как правовая ошибка. По означенной проблеме в современной научной литературе в сфере права авторами высказываются две диаметрально

противоположные (как мы считаем) позиции: ряд авторов отождествляет ошибку с правонарушением, иными ошибка раскрывается как некое отклонение от норм права, но не их непосредственное нарушение [13].

В означенном вопросе, мы полагаем, что можно разделить позицию И.М. Зайцева, утверждающего, что правовая ошибка с точки зрения своей природы существует как «явление, являющееся объективно противоправным, и она выступает как реальная предпосылка и условие для нарушения в стране законности, правопорядка» [14]. Как существенное отличие правовой ошибка от нарушения права, как мы полагаем, требуется понимать отсутствие у субъекта названного явления умысла к противоправному поведению. Правовая ошибка выступает непосредственным следствием неверного применения либо толкования норм права, что обуславливается как неточностью формулировок в действующем законодательстве, так и дефектами правового регулирования, что может выступать следствием недостатка механизмов для реализации таких правовых положений, а также низкого уровня квалификации субъекта правоприменительной деятельности.

В сущность явления правовых ошибок, мы полагаем, необходимо включать ошибки любой природы, приводящие к тем или иным последствиям правового характера. Например, бухгалтер в ходе установления суммы подлежащего уплате сбора неверно определяет эту сумму, совершая счетную ошибку; в данном случае ошибку требуется признать правовой, так как в ее следствие возник правовой результат – снижение размера подлежащего уплате налога.

Исходя из ранее изложенного, нам крайне актуальной видится проблема правовых последствий совершения лицом таких ошибок. Так как в их следствие могут происходить самые негативные и даже непоправимые правовые результаты (например, неправосудный приговор). Таким образом, правовыми последствиями от нарушения норм права являются санкции, изложенные в этой норме, либо меры защиты, в случае же с правовыми ошибками, их последствием авторы называют признание недостаточной

уровня квалификации у лиц, допустивших такие ошибки. Таких лиц, в результате совершения ими правовых ошибок, которые привели к тяжким последствиям, обычно, наказывают мерами дисциплинарного воздействия, в том числе и их увольнением с занимаемой должности.

Теперь полагаем необходимым остановить свое внимание на дискуссии относительно природы и взаимосвязи таких категорий как злоупотребление правом и правонарушение. Как пишет по данной проблематике И.Я. Дюрягин, «злоупотребление правом получает свое выражение в искажении предназначения права, а также в противопоставлении буквы закона присущего ему духа: то есть возникает ситуация, при которой с формальной точки зрения индивиду действует в рамках закона, однако, если рассматривать суть его поведения, то таковое закону противоречит». Автор полагает, что злоупотребление правом все более часто получает свое признание как разновидность правонарушения (приводя как пример заключение фиктивных браков, заключение притворных сделок, подача неосновательные иски и так далее) [15].

В ряде источников изложено иное мнение. Например, В.П. Грибанов обращает свое внимание на тот факт, что характерной особенностью явления злоупотребления правом надлежит признать «возникновение в связи с осуществлением лицом своего субъективного права, то есть в связи с дозволенным законом поведением; при этом обязанности у управомоченного лица выражены необходимостью не нарушения пределов осуществления своего права» [16].

В.И. Гойман, в свою очередь, говорит о том, что «под злоупотреблением правом нужно понимать не особый тип правонарушения, но разновидность определенных неправовых действий, которые связаны с злоупотреблением юридической свободой, то есть вытекающее из эгоистических побуждений поведение управомоченного лица, противоречащее природе правового регулирования, закрепленным в его

нормах целях, либо связанное с применением неправовых средств в процессе ее достижения» [17].

Ранее, в одном из исследований, автором настоящей работы исследовалось так называемое явление «потребительского экстремизма» в контексте его схожести с категорией злоупотребления правом: «использование потребителем законодательства о защите прав потребителей не с целью защиты и восстановления нарушенного права, а, в первую очередь, в корыстных целях для получения определенной материальной выгоды. Потребители в таком случае для достижения корыстной цели могут прибегать к таким методам, как недобросовестное поведение, обман, шантаж, злоупотребление своим особым положением на рынке товаров и услуг» [18, с. 83].

Мы же полагаем, что злоупотребление правом необходимо понимать, как правонарушение только в тех случаях, когда закон напрямую об этом говорит. Например, в Гражданском кодексе РФ содержится правовое предписание, запрещающее злоупотребление правом (ст. 10) [19], что позволяет нам считать злоупотребление правом в сфере гражданского права как гражданское правонарушение.

Проблемы определения природы и сущности явления правонарушений, помимо прочего, теснейшим образом взаимосвязаны с проблемой существования правовых коллизий и юридических конфликтов.

Правовыми коллизиями в современной правовой науке принято считать «расхождение либо противоречие между определенными нормативными правовыми актами, которые регулируют общих либо смежные общественные отношения, либо противоречия, которые возникают в процессе осуществления правоприменения, а также осуществления компетентным субъектом (органом и должностным лицом) собственных полномочий» [20].

Стоит отметить, что «правовые коллизии недопустимо приравнивать к категории правонарушений, поскольку содержание таковых является принципиально различным; более того, выступая в определенной мере как

явление неизбежное, естественное, правовые коллизии обладают отрицательным, негативным, но также и положительным зарядом, поскольку выступают как свидетельство нормального течения процесса развития либо выражают законную потребность в новом правосостоянии» [21].

Важно сказать, что явление правовой коллизии обладает существенными отличиями от явления юридического конфликта. В современной научной литературе содержится две основные позиции авторов относительно содержания понятия «юридический конфликт».

В частности, Ю.А. Тихомировым в одной из его работ указывается на тот факт, что «юридическим конфликтом является противоречие действующих правовых норм, актов и существующих институтов с притязаниями и действиями, связанными с их изменением, нарушением, отторжением» [22].

В общем и целом, конечно, можно сказать, что приведенное мнение автора о сущности правового конфликта практически одинаково с понятием «правовой коллизии», рассмотренным ранее в настоящем параграфе.

Другое мнение мы можем найти, например, в работе В.Н. Кудрявцева, в которой он указал на то, что юридический конфликт практически во всех возможных случаях выступает противоречием между отдельными людьми, но не противоречием между нормами, нормативными актами или институтами. Последнее из названного являет собой лишь первопричину, повод для возникновения юридического конфликта, но они не выступают собственно воплощением юридического конфликта в виде реального социального противоборства лиц [23].

Здесь же важно отметить, что не каждый конфликт может быть юридическим. Юридический конфликт — это лишь тот конфликт, где спор индивидуумов обладает непосредственной связью со сложившимися между ними правовыми отношениями, более того, объекту юридического конфликта должны быть присущи правовые признаки.

Здесь можно резюмировать, что более истинной и соответствующей правовой доктрине надлежит признать мнение именно последнего из названных авторов.

Таким образом, мы должны указать на следующие выводы из изложенного:

– явления юридического конфликта и правовой коллизии не совпадают по сущности с явлением правонарушения;

– правонарушение может выступать как основа и как следствие юридического конфликта, но не тождественно ему.

Последним вопросом в теме определения содержания сущности правонарушения, который, как мы полагаем, необходимо исследовать, это вопрос об определении соотношения таких явлений как правонарушение и ограничение в правах. Аспекты явления правовых ограничений были глубоко изучены в работах А.В. Малько. Под ограничением в праве он понимал «правовое сдерживание в отношении противозаконных деяний, создающее условия к удовлетворению интересов контрsubjекта, а также общественных интересов; оно выступает как устанавливаемая в праве граница, в пределах которой субъекты правомочны действовать; является исключением определенных возможностей применительно к деятельности субъектов» [24].

Правовыми ограничениями можно назвать явления, которым присущи признаки наличия мер государственного принуждения. Требуется четко и недвусмысленно проводить различие между правомерным и неправомерным правовым ограничением: «правовые ограничения в качестве процессуальных последствий, в качестве процессуальной меры защиты по причине совершенного правонарушения (речь идет о задержании, аресте, наложении ареста на имущество, запрещении иным лицам передавать в пользу ответчику имущество, а также отдельные иные), в качестве правового наказания (лишение специальных прав, лишение свободы либо ее ограничение или лишение юридических наград), а также как противозаконное ограничение, которое выступает правонарушением (здесь имеются в виду случаи

незаконного ареста, незаконного задержания, незаконного лишения льгот, а также иные аналогичные)» [24].

Подводя итог теме определения правонарушения, необходимо отметить, что нами в ходе проведенного исследования получены следующие выводы в контексте разграничения явления правонарушения и иных явлений, обладающих схожими признаками:

- целиком и полностью признавая абсолютное отличие категории правонарушений от категории правовых ошибок, мы вынуждены указать на факт наличия юридических последствий совершения правовых ошибок;

- злоупотребление правом может и должно признаваться как правонарушение, но только лишь в тех случаях, когда такое прямо оговорено в положениях действующего законодательства;

- категорию правонарушения требуется отделять от категорий правовая коллизия и юридический конфликт: правовая коллизия может выступать как фактор возникновения нарушения права, правонарушение же, в свою очередь, – как фактор возникновения юридического конфликта, так и его непосредственным последствием;

- надлежит полностью разделять явления правонарушения и правовых ограничений, которые могут быть правомерными и неправомерными, а также выступать в качестве мер процессуальной защиты или правового наказания;

- противоправные, незаконные ограничения надлежит рассматривать как правонарушения.

Таким образом, в ходе исследования нами установлено, что наличие юридической ответственности за совершение правонарушения является социально обусловленным, и, как следствие, в течение всего исторического периода развития человеческой цивилизации были сформированы взгляды государства, направленные на противодействие им.

Перейдем к рассмотрению вопроса о составе правонарушения.

Конструкция «состав правонарушения» в юридической науке и практике используется юристами для конкретизации и более детального

охарактеризования правонарушения. Научные категории «правонарушение» и «состав правонарушения», безусловно, связаны друг с другом, однако не являются воплощением одного и того же явления. Если термин «правонарушение» в существенной степени выступает отражением его социально-направленной сущности, отношению к деянию, нарушающему положения права, со стороны общества и государства, то через понятие «состав правонарушения» фиксируется набор формально-юридических признаков, выделяемых в том или ином конкретном правонарушении.

В современной научной литературе имеются различные позиции относительно сущности и определения состава правонарушения. Можно привести мнение А.С. Шабурова, полагающего, что «состав правонарушения – это система признаков правонарушения в единстве его объективной и субъективной стороны, необходимых и достаточных для возложения юридической ответственности» [25, с. 410]. А.Ф. Черданцев, в свою очередь, полагает, что «состав правонарушения — это идеальная структура правонарушения, показывающая из каких частей, элементов оно состоит, складывается» [26, с. 306]. «Под составом правонарушения,» – пишет небезызвестный автор А.Б. Венгеров, «понимают наличие объективной и субъективной сторон, субъекта и объекта правонарушения. Причем только совокупность этих элементов позволяет говорить о наличии или отсутствии конкретного правонарушения» [27, с. 610]. В целях более полного и четкого понимания рассматриваемого явления попробуем обратить свое внимание еще на и то, что для раскрытия его сущности в научной литературе авторы используют термин «юридический состав правонарушения». В.С. Нерсисянц, к примеру, пишет: «Юридический состав правонарушения — это система признаков противоправного поведения, необходимая для его юридической квалификации в качестве правонарушения» [28, с. 710].

Анализируя вышеизложенные мнения авторов-теоретиков мы можем утверждать следующее: юридический состав правонарушения это обусловленная внутренними системными связями совокупность его

признаков, необходимых и достаточных для возложения на правонарушителя юридической ответственности.

Приведенным выше суждениям в сфере общеправовой науки в контексте понимания авторами смысла термина «состав правонарушения» тождественны выводы узких специалистов, практикующих или занимающихся исследованиями в сферах уголовного и административного права. Например, М.П. Журавлев в одной из своих работ пишет: «Состав преступления, в науке уголовного права, совокупность установленных законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасные деяние как преступление» [29, с. 916].

Подводя итог рассмотрению темы определения состава правонарушения скажем, что понятие состава правонарушения имеет высокую ценность и в контексте освоения студентами юридических дисциплин, расширения их правового кругозора, повышения правовой грамотности, формирования правосознания. Для определения в ходе практической деятельности важной вещи: присутствуют или нет признаки правонарушения в данном конкретном поведении некоего лица.

В современной литературе признаки состава правонарушения систематизируются и объединяются по схеме, включающей в себя: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

1.2. Концепции предмета правонарушения в юридической науке

Так сложилось, что исследование концепций предмета правонарушения в юридической науке происходит зачастую в рамках наук уголовного и административного права, что объяснимо значением данной научной категории для практики названных отраслей. Тем не менее, предмет правонарушения был, есть и остается общетеоретической научной категорией, так как невозможно представить себе «беспредметные правонарушения». Таким образом, процесс осмысления предмета правонарушения выходит за пределы, очерченные отраслевым характером уголовно- и административно-правовой наук, и требует познания и изучения в рамках теории права в целом [30].

Однако, имеющиеся на сегодняшний день работы и монографии научного [31-39 и др.] и учебного характера [40-44 и др.] не останавливают пристального внимания на проблеме познания предмета правонарушения.

В.Л. Кулапов в одной из своих работ пишет следующее: «Насколько многообразны отношения, настолько многообразны и непосредственные объекты правонарушений. Ими могут быть имущественные, трудовые, политические и иные права и интересы субъектов права, государственный и общественный строй, экологическое состояние окружающей среды, жизнь, честь, достоинство, здоровье человека» [40, с. 586]. Тем не менее, полагаем очевидным, что проведение рассуждений о чести, достоинстве и здоровье человека как «непосредственных объектах правонарушений», В.Л. Кулаповым свидетельствует о них как о нематериальных предметах нарушения права, но совсем не как об их объектах. Через прямое и непосредственное воздействие на означенные предметы правонарушитель причиняет вред «абсолютным» правоотношениям, обеспечивающим правовую охрану доброго имени человека, деловой репутации предприятия и так далее.

Абсолютно любая деятельность человека носит «предметный» характер (что ни в коем случае нельзя воспринимать как некое равенство между предметом и деятельностью), поскольку в ходе своей деятельности каждый человек без каких либо ограничений имеет дело с предметом или создает его, которые, в свою очередь, являются «моментами живого труда, как отношение живого труда к самому себе в предметном материале» [45, с. 328]. То же самое можно сказать и о деятельности противоправного характера, которую, как и правомерную деятельность, можно охарактеризовать предметностью.

Остановимся на вопросе предметности человеческой деятельности поподробнее, поскольку от этого напрямую зависят выводы в рамках настоящего исследования. Предметная характеристика деятельности человека очевидна, она находится буквально на виду. Доказать подобное утверждение крайне просто в силу того, что в ходе абсолютно любой деятельности без каких-либо исключений человек если не воздействует с предметом такой деятельности, изменяя его, то создает этот предмет. В общем и целом, существенная в своей степени независимость человека от окружающей его действительности заключается в том, что каждый человек и человеческая цивилизация в целом создают неестественную, искусственную среду, противопоставленную окружающему миру. Взаимное действие предметов в названных искусственных структурах выступает главным связующим каждого практического действия, что и обеспечивает необходимый человеку результат. Предметная сущность деятельности людей выражена в связи с этим не именно в факте пользования теми или иными средствами или орудиями, но исключительно в выборе, положительной модификации и направленной на определенную цель организации структур действия человека предметного характера, что и обуславливает ранее изложенный вывод. Это, а также то, что присутствует определенная сознательная цель, и выступает существенным признаком абсолютно любой человеческой деятельности.

Научная категория «предмет правонарушения», несмотря на активную научную деятельность последних десятилетий, по-прежнему остается дискуссионным в юридической науке. Более того, весьма неоднозначным образом трактуется не только само понятие предмета правонарушения, но и также его виды и классификация и, помимо прочего, взаимосвязь с иными научными категориями, например, с объектом правонарушения [30].

Одни авторы, рассуждая о взаимосвязи предмета и объекта правонарушения, исключают предмет из внутреннего содержания объекта правонарушения [46, 47], другие ставят знак равенства между предметом и объектом [48], а ряд авторов воспринимает под объектом правонарушения человека (потерпевшего), а также его жизнь и здоровье [49]. Более подробно вопрос о взаимосвязи предмета и объекта правонарушения будет рассмотрен в дальнейшем, в силу сложности и многогранности данного вопроса, он заслуживает отдельного и самостоятельного исследования.

Как пишет Г.А. Ожегова, «учеными даются самые разнообразные определения и характеристики понятия предмета правонарушения. Во многом это обусловлено различным пониманием категорий «объект» и «предмет» в философских науках. Так, имея в виду соотношение объекта и предмета, К.Х. Момджян, применительно к понятию последнего отмечает, что в обществоведческой литературе оно используется «как субстанциональная характеристика объекта познания (предмет науки); для характеристики субъект-объектной связи в аспекте воплощения в объекте (в том числе идеальном) сущностных сил субъекта (опредмечивание); как специфическое определение опосредованного объекта (предмета труда) и т.д.» [30, 50].

В юридической науке уже достигнут консенсус о том, что предмет правонарушения наравне с его субъектами, объектом и их взаимосвязи друг с другом надлежит воспринимать как неотъемлемую часть внутренней структуры правонарушения, его элемент [51-53 и др.].

Тем не менее, ряд авторов иногда склонны называть одно и то же явление одновременно и предметом, и объектом правонарушения. Более того, общеправовая теоретическая литература содержит в себе ряд противоречий в контексте именования явлений, что может оказать некоторое негативное влияние на понимание их сущности. Так, например, предмет общественного правоотношения может именоваться его объектом, но научная литература уголовно-правовой сферы такое же явление может называть и предметом преступления, в чем мы усматриваем терминологическую неточность. Тем не мене, необходимо обладать пониманием о том, что не каждый элемент общественного отношения, в том числе и правоотношения, может и должен выступать в качестве его объекта, и, как следствие из этого, выступать предметом какого-либо правонарушения. В рамках нарушения права негативное воздействие субъектом может оказываться как на изолированный элемент, не являющийся его прямым и непосредственным объектом, так и на его субъект, некую социальную связь и тому подобное [30]. Мы не вправе следовать позиции В.К. Глистина, полагающего, что «предмет как элемент состава – это то, по поводу чего субъекты вступают в отношения» [54, с. 15]. Поскольку в данном своём утверждении он ставит знак равенства между предметом и объектом правонарушения, что, как уже было сказано выше, не является верной позицией по данному вопросу. Также стоит отметить, что не во всех ситуациях объект правонарушения выступает его же предметом в силу наличия множества различных правонарушений (более подробно данный вопрос раскрыт в соответствующем параграфе).

Современная юридическая литература содержит в себе множество работ, так или иначе раскрывающих дефиницию понятия «предмет правонарушения». Каждый автор по своему, исходя из своих взглядов, убеждений и цели исследования, даёт определение данной научной категории. Приведём несколько вариантов. В.Р. Кисин, говоря о предмете правонарушения в контексте науки административного права, утверждает, что под данным понятием необходимо полагать «предметы материального и

нематериального мира, через воздействие на которые причиняется вред общественным отношениям» [55, с. 34]. Здесь же мы можем привести позицию О.Е. Спиридоновой, считающей, что должно воспринимать «материю как объективную реальность и не отождествляет ее с конкретными видами. Получается, что и права, и интеллектуальные ценности, и блага, и электрическая энергия, и даже звуки в широком смысле являются предметами (элементами) материального мира» [56, с. 60]. Ещё один автор полагает, что «предмет преступления – это элемент объекта посягательства, воздействуя на который, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение» [57, с. 303]. Ю.В. Лозебник считает, что «Предмет – материальная вещь или интеллектуальная ценность. Кроме того, объект терпит урон всегда, предмет – лишь в случаях, когда общественно опасное деяние выражается в уничтожении или повреждении имущества или других вещей материального мира» [58, с. 21]. Проводя анализ представленных авторских позиций, можно сделать вывод о том, что под предметом нарушения права необходимо понимать явления или предметы материального или нематериального характера. Явления, обладающие нематериальными свойствами, в таком случае нужно рассматривать как некий отдельный, специфический вид материи, что носит предметный характер в ходе того, как субъекты находятся в процессе их деятельности определенного познавательного характера.

Также тут можно привести мнение А.Р. Рарога, содержащее в себе взгляд на предмет правонарушения близкий, но не тождественный изложенным ранее, который заключается в том, что под предметом правонарушения необходимо понимать предметы и явления материального мира, а также ценности интеллектуального характера [59, с. 77]. Отдельно стоит отметить, что некоторые авторы в своих работах используют не термин «предмет преступления» применительно к науке уголовного права, а термин «предмет преступного воздействия». К примеру В.Я. Таций утверждает, что «под предметом преступного воздействия необходимо понимать тот элемент

охраняемого уголовным законом общественного отношения, который подвергается непосредственному преступному воздействию и которому, следовательно, в первую очередь причиняется ущерб» [60, с. 37]. Тем не менее, возвращаясь к мнению А.Р. Рарога, необходимо отметить, что в данном случае вторая группа названных им предметов, сужается исключительно до предметов интеллектуального труда человека. «В качестве предметов интеллектуальной деятельности могут выступать произведения литературы, искусства и науки: книги, видеопрограммы, звукозаписи, программы для ЭВМ и базы данных, патенты, товарные знаки, полезные модели, промышленные образцы и т.д.» [61, 62]. Мы полностью согласны с Г.А. Ожеговой, полагающей, что «по меньшей мере нелогично признавать набор символов (компьютерную программу) предметом преступления и не считать таковым, например, коммерческую тайну, которая может быть представлена также набором символов» [30, с. 143-144].

Рассуждая о концепциях предмета правонарушения в юридической науке, мы можем остановиться поподробнее на мнении О.Е. Спиридоновой, исходящей из «широкого понимания предмета правонарушения, включая в его содержание овеществленные и не овеществленные виды материи. Считает, что предмет правонарушения присутствует лишь в тех составах, где он является обязательным признаком, например в составе надругательства над государственным гербом, флагом и т.д.» [56, с. 60]. Г.А. Ожегова, анализируя данное мнение О.Е. Спиридоновой отмечает, что «необходимо различать понятия «состав правонарушения» и «правонарушение как юридический факт». Правонарушение как действие или бездействие не может носить беспредметный характер. Косвенно это признает и сама О.Е. Спиридонова, предлагая ввести понятие «косвенный предмет правонарушения», который не нашел непосредственного выражения в тексте закона, но подразумевается им или который необходимо выводить логическим путем. При этом О.Е. Спиридонова выделяет следующие признаки «предмета преступления: это элемент объекта преступления; носит

материальный характер; путем воздействия на него причиняется вред общественному отношению» [30, с. 144]. С изложенным нельзя не согласиться.

Обратимся к мнениям группы ученых, придерживающихся несколько иной позиции чем та, что была изложена выше. Например, М.Ф. Гельфер полагает, что «предмет преступления – это вещи, материальные предметы, с которыми связано осуществление преступления» [63, с. 16]. Аналогичной позиции придерживается Е.А. Фролов, считающий, что «о предмете преступления как о самостоятельном признаке состава преступления правомерно говорить лишь там, где происходит преступное посягательство на такие общественные отношения, само существование которых тесно связано с наличием соответствующих материальных предметов» [64, с. 221]. «Административное законодательство в ряде случаев признает непосредственным объектом предмет посягательства. Например, в ст. 12 Основ законодательства об административных правонарушениях сказано о конфискации предмета, явившегося, как отмечает Д.Н. Бахрах, «непосредственным объектом административного правонарушения» [65, с. 28]. Схожее мнение можно найти и в работе Г.А. Кузьмичевой и Л.А. Калининой, которые утверждают, что «предмет правонарушения – это конкретная вещь» [66, с. 23]. Коллектив авторов одного из учебников по курсу «Уголовное право» полагает, что «предмет преступления – это овеществленный элемент материального мира, воздействуя на который, виновный осуществляет посягательство на объект преступления. В отличие от объекта, который является обязательным признаком любого состава преступления, предмет преступления – признак факультативный. Это означает, что некоторые преступные деяния могут и не иметь конкретного предмета посягательства (например, оскорбление, клевета, дезертирство)» [67, с. 128]. Из приведённых цитат можно сделать вывод о том, что написавшие их авторы придерживаются позиции, согласно которой в качестве предмета правонарушения (преступления) могут выступать только и

исключительно предметы материального мира. Из такого вывода можно сделать следствие о том, что указанные авторы придерживаются ещё и позиции о том, что возможно существование так называемых «беспредметных правонарушений», что в корне противоречит изложенному ранее в настоящей работе. Остановимся на данном вопросе подробнее.

Как сказано в предыдущем абзаце, такое мнение авторов противоречит ранее изложенным положениям об исключительно «предметном» характере любой человеческой деятельности вне зависимости от её целей и характера. Помимо прочего, предмет есть не что иное, как выделенная человеческим разумом в процессе познания целостность из объектного мира. Таким образом, суть означенного противоречия заключается в том, что невозможен не сам факт существования «беспредметной» деятельности человека и, как следствие, «беспредметных правонарушений», а в том, что имеет место быть необходимость в их познании человеческим разумом. Неоспорим факт многообразия материи, вещи же соотносятся с ней как целое и его часть – часть мира материи, которая обладает условно самостоятельным характером существования. Мы в состоянии выделить и «не вещные виды материи», среди которых можно назвать и системы неживой природы («атомы, молекулы, космические системы различных порядков» [30, с. 145-146]), и ряд биологических систем [68, с. 210]. Более того, формы и виды энергии, излучения (например, радиоволны) и прочее повсеместно признаются некими разновидностями материи, считаются неким «неосвязаемым» имуществом и подлежат правовой охране [69, с. 68]. И для каждого юриста, теоретик он или практик, очевидно существование правовой материи – множества субъективных прав и обязанностей, законных интересов и благ, на которые они направлены, и даже правовых принципов, соединенных и существующих хоть и в абстрактном, но едином правовом пространстве. Как пишет Г.А. Ожегова, «многие законодательные конструкции прямо указывают, что в качестве предмета правонарушения выступают различные права граждан: право на имущество (ст. 159 УК РФ); равноправие (ст. 136 УК РФ); авторские

права (ст. 146 УК РФ) и др. Думается, что в некоторых преступлениях предметом будет выступать правовая материя, т.к. именно на нее непосредственно воздействует правонарушитель» [30, с. 147].

Очевидно, что последовать логике Г.А. Ожеговой и признать субъективные права и законные интересы в качестве предмета правонарушений, означало бы практически полностью устранить проблему существования беспредметных правонарушений. Если мы рассмотрим состав преступления оставление в опасности, и будем воспринимать в качестве предмета правонарушения только и исключительно «овеществленные» предметы материального мира, то данный состав не будет иметь предмета преступления. Однако, если допустить ранее изложенное в качестве истины, то предметом настоящего преступления можно было бы воспринять субъективное право потерпевшего на здоровье (или право на жизнь).

Более того, такое признание во многом позволило бы решить еще одну проблему современной правовой науки – проблему соотношения таких категорий как «объект преступления», «предмет преступления» и «потерпевший», которая более подробным образом будет рассмотрена в дальнейшем в настоящей работе. Однако уже сейчас можно сделать отдельные выводы. Есть ряд авторов, полагающих, что у некоторого количества состава правонарушений (преступлений), в ходе которого причиняется вред организму человека, отсутствует предмет правонарушения (преступления), но в качестве предмета правонарушения (преступления) можно признать фигуру потерпевшего (не в процессуальном, а в материальном её смысле) [70, с. 66]. Однако, при доминанте рассматриваемой позиции ничто не мешает признать в качестве предмета правонарушения (преступления), например, если говорить об оставлении в опасности, здоровье или жизнь человека, а в качестве потерпевшего – носителя этих качеств. Или, если говорить о составе похищения, то предметом могло бы выступить субъективное право потерпевшего на свободу. Следовательно, правонарушитель, воздействуя на субъективные права, наносит вред субъекту

правоотношения, а через него – общественному отношению в целом. Если отвергнуть данную позицию, то может оказаться, что все конституционно-правовые правонарушения являются беспредметными, так как в ходе их совершения под воздействием оказываются нематериальные ценности.

Завершая рассмотрение концепций предмета правонарушения в современной научной литературе отметим, что авторами так и не найден единый подход к его пониманию, определению его сущностных и природных качеств, необходимых, безусловно, для правильного применения данной категории на практике. Особенно остро данный вопрос может стоять в контексте его применения на практике в рамках уголовно-правовой сферы. Мы в рамках настоящей работы постараемся по мере сил разрешить данную проблему, разработав понятие предмета правонарушения в рамках общеправовой теории, а также его признаков в следующем параграфе.

Выводы из главы. Мы можем отметить, что наблюдается определенная противоречивость авторов как в вопросе их понимания природы и сущности правонарушения, так и в вопросе понимания предмета правонарушения. Действующее российское законодательство содержит в себе ряд легальных закреплений дефиниции правонарушения. Компромиссный и усредненный смысл которых можно выразить как понимание под правонарушением виновно совершенного противоречащего положениям закона деяния лица, обладающего деликтоспособностью, которое наносит вред интересам личности, общества или государства, а также характеризуется общественной опасностью и влечет за собой установленную действующим законом юридическую ответственность. Такое понимание правонарушения, закрепленное в нормативных правовых актах Российской Федерации, соединяет в себе все множество характерных признаков, присущих явлению правонарушения. Вместе с тем, такой взгляд позволяет и авторам-теоретикам и практикующим юристам понимать его сущность и правовую природу аналогичной той, что ныне доминирует в юридической литературе. Нарушение субъектом правонарушения нормативных предписаний влечет за

собой применение к нарушителю ряда мер юридической ответственности со всеми негативными последствиями, прямо из этого вытекающими.

О понимании сущности и природы состава правонарушения юридическая наука содержит общепринятое всеми авторами-теоретиками мнение. Оно заключается в том, что понятие состава правонарушения имеет высокую ценность и в контексте освоения студентами юридических дисциплин, расширения их правового кругозора, повышения правовой грамотности, формирования правосознания и для определения в ходе практической деятельности важной вещи: присутствуют или нет признаки правонарушения в данном конкретном поведении некоего лица. Современная теория и практика права систематизирует и структурирует признаки состава правонарушения по следующей схеме: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона правонарушения.

Исследование взаимосвязи категории правонарушения с иными явлениями, схожими по своим признакам, привело нас к выводу о том, что вопреки имеющимся различиям в понимании правонарушения и правовых ошибок, мы должны указать на факт наличия юридических последствий совершения правовых ошибок, которые и делают их таковыми; злоупотребление правом мы можем признать как правонарушение, это не противоречит основным постулатам юридической науки, но такое возможно только тогда, когда в положениях законодательства содержится прямой запрет на злоупотребление правом, как это есть, например, в гражданском законодательстве Российской Федерации; явление правонарушений необходимо разделять от таких явлений, как правовая коллизия и юридический конфликт: коллизия выступает фактором возникновения нарушения правовых норм, правонарушение же, как это представляется очевидным и вытекает из имеющихся взглядов авторов в научной литературе, – выступает и как фактор возникновения юридического конфликта, и как его непосредственное последствие; мы должны проводить различие между категориями правонарушения и правовых ограничений, которые, в свою

очередь, могут быть правомерными и неправомерными, а также выступать в качестве мер процессуальной защиты или правового наказания; противоправные ограничения необходимо понимать как правонарушения.

Если же говорить о выводах после завершения изучения состояния научной литературы в контексте имеющихся концепций предмета правонарушения как в общей теории права, так и в отраслевых правовых науках, мы должны отметить, что в современной юридической литературе авторы так и не пришли к единой концепции и системе взглядов на предмет правонарушения. Конечно, мы должны признать, что в науке доминирует позиция, согласно которой предметом правонарушения может выступать как материальное, так и нематериальное, среди авторов высказываются позиции, согласно которым под предметом правонарушения надлежит понимать только и исключительно вещи материального характера, элементы овеществленной материи. Помимо прочего, отметим, что в современной юридической науке доминирует точка зрения, согласно которой любая человеческая деятельность носит предметный характер, что не позволяет нам разделять взгляды, согласно которым предмет правонарушения есть нечто материальное, поскольку в таком случае мы столкнемся с проблемой наличия беспредметных правонарушений, что противоречило бы изложенной выше позиции.

Таким образом, каждое человеческое действие имеет предмет, на который оно направлено. Это относится и к действиям, в ходе совершения которых нарушаются правовые нормы – правонарушениям. В свою очередь, такое говорит нам о том, что каждое правонарушение обладает предметом – тем, на что направлено противоправное посягательство правонарушителя. Здесь мы должны отметить, что никаких «беспредметных» правонарушений не может существовать. Если невозможно определить предмет правонарушения, значит, возможно, само деяние не является деянием, поскольку каждое действие или бездействие на что бы то ни было направлено. Если мы говорим о, например, преступлениях против личности,

то мы не можем утверждать, что в таком случае нет предмета преступления, а есть лишь потерпевший. Предмет имеется – личность, её физические и нефизические свойства. Само же лицо, против которого направлено преступное деяние, выступает в данном случае потерпевшим. Впрочем, в дальнейшем этот вопрос будет рассмотрен более подробно. Если мы будем говорить, например, о незаконном включении в линию электросети и краже электрической энергии, будет ли в данном незаконном деянии предмет правонарушения? Конечно. Электрическая энергия. Несмотря на то, что она нематериальна. Таким образом, предмет правонарушения может быть как материальным, так и нет.

Исходя из сказанного ранее, предмет имеется у каждого правонарушения. Иные взгляды, имеющиеся в современной юридической литературе, абсолютным образом несостоятельны и противоречат философским началам деятельности человека. Вопрос, таким образом, встает не о том, есть ли предмет в данном конкретном правонарушении, а о том, что в таком случае выступает предметом. И, безусловно, дать ответ на этот вопрос существенно сложнее, чем на предыдущий, поскольку ответ этот не будет односложным, а поиски его могут еще больше запутать авторов, которые будут проводить исследования предметов правонарушений в конкретных случаях в рамках определенных отраслевой направленностью юридических наук.

2. Понятие предмета правонарушения и его место в составе правонарушения

2.1. Понятие и признаки предмета правонарушения

На современном этапе развития юридической науки такие категории как объект и предмет правонарушения во многом трактуются как целое и его часть. Попробуем выяснить, насколько обоснована и аргументирована подобная традиционная трактовка соотношения названных категорий, через призму их рассмотрения в философии и общей теории права. И уже посредством выводов, полученных в ходе означенных этапов исследования, попробуем подробно изучить понятие предмета правонарушения, а также выделить его признаки.

Важно сказать, что на современном этапе развития юридической науки и практики имеются некоторые сложности в дифференциации значения категорий предмет и объект правонарушения. Подтверждение этому мы можем найти, например, в уголовно-правовой сфере, где термин «предмет преступления» повсеместно используется на практике.

Слово «предмет» мы можем обнаружить в 12 статьях Уголовного кодекса РФ: «предметы, добытые преступным путем» (ст. 33); «предметы, имеющие особую ценность» (ст. 164); «предметы художественного, исторического и археологического достояния народов РФ» (ст. 190); «предметы, указанные в настоящей статье» (огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, газовое оружие, холодное оружие – авт.) (примечания к ст. ст. 222, 223); «порнографические материалы и предметы» (ст. 242); «предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних» (ст. 242.1); «предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность» (ст. 243); «предметы военной техники» (ст. ст. 346, 347, 348); «предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих» (ст. 349) [71].

Слово «объект», продолжая анализ, мы можем обнаружить в 11 статьях Уголовного кодекса РФ: «объекты авторского права или смежных прав» (ч. 2 ст. 146) «объекты использования атомной энергии» (ч. 3 ст. 205); «объекты атомной энергетики» (ст. 215); «объекты жизнеобеспечения» (ст. ст. 215.2, 281); «взрывоопасные объекты» (ст. 217); «объекты, взятые под охрану государства» (ст. 243); «промышленные, сельскохозяйственные, научные и иные объекты» (ст. 246); «установки, сооружения и иные объекты» (ст. 251); «особо охраняемые природные объекты» (ст. 262); «охраняемые караулом (вахтой) объекты» (ст. 342) [71].

Мы небезосновательно полагаем, что абсолютно очевиден факт использования понятий «предмет» и «объект» применительно к преступлению в подавляющем большинстве из названных статей Уголовного кодекса РФ. Для закрепления посредством их названной пары групп явлений объективной действительности, с которыми соприкасается (или которые создает) преступник в ходе своей противозаконной деятельности: слово «предмет», как мы можем заметить, раскрывает собой категорию «движимых» вещей, в свою очередь как слово «объект» в приведенных правовых нормах уголовного законодательства содержит в себе понимание недвижимых имущественных объектов – зданий, установок, сооружений и прочее. Также полагаем возможным отметить, что все названные выше в настоящем абзаце категории явлений объективной действительности очевидно выступают под видом воплощений предмета преступления в чисто теоретическом понимании данного термина как в рамках общей теории права, так и в рамках уголовно правовой науки. Резюмируя вышесказанное, государство при разработке означенных правовых норм уголовного закона использовало такие слова как «предмет» и «объект» для закрепления посредством их пары видовых теоретических понятий, которые совместно образуют множество рода – вещей. Но подобная взаимосвязь исследуемых в настоящем параграфе понятий не тождественна в полной мере с

соотношением категорий объекта и предмета правонарушения в юридической науке как целого и части.

В современном отечественном законодательстве из иной сферы, не относящейся к уголовному закону, дифференциация внутренней сущности явлений, закрепленных в понятиях «объект» и «предмет» не обнаруживается нами и вовсе. Тем не менее, необходимо сказать, что в ряде подзаконных нормативных правовых актов мы подобное все же в некоторых случаях можем обнаружить. В утратившем в настоящее время силу «Положении о проведении торгов на право заключения договора аренды объектов недвижимости, находящихся в федеральной собственности», утвержденном посредством распоряжения Министерства государственного имущества РФ от 28.07.1998 года N 774-р, проводится грамотная семантическая грань между такими терминами как «объект торгов». Законодатель понимает объекты недвижимости, имеющиеся в государственной собственности, и «предмет торгов», что раскрывается в акте как право вступления в договорные отношения аренды одного из названных в подзаконном акте объектов [72].

В судебной практике, что мы сегодня можем обнаружить в уголовной сфере и публично опубликованной в сети «Интернет» (как той сфере правоприменения, где термин «предмет правонарушения» и его семантическое наполнение наиболее важно и используется на практике), понятие «предмет преступления» применяется в аналогичном семантическом значении, что и в доктрине, изложенной как в общей теории права, так и в рамках уголовно-правовой науки. Например, в п. 12 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5.06.2000 года N 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» содержится перечень предметов преступного деяния, за совершение которого в ст. 261 УК РФ предусмотрена юридическая ответственность [71]. В числе предметов означенного уголовного

правонарушения в данном постановлении перечисляются: «леса, входящие и не входящие в лесной фонд, а также древесно-кустарниковая растительность (включая насаждения, выполняющие защитные и другие экологические функции)» [73].

В одном из пунктов Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного преступлениям экологической направленности, определено, что «предметом незаконной порубки деревьев и кустарников (ст. 260 УК) являются деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях лесного фонда, в лесах, не входящих в лесной фонд, на землях транспорта, населенных пунктов (поселений), на землях водного фонда и землях иных категорий» [74].

Понятие объекта правонарушения в судебной практике в уголовно-правовой сфере используется судами в двух дифферентных значениях: для словесного отображения того, что теория права понимает как предмет правонарушения, а также для отображения собственно того, что мы понимаем как объект правонарушения.

В первом из приведенных значений рассматриваемый термин используется, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.04.1995 года N 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности», в котором в одном из пунктов указано следующее: «При определении стоимости имущества, ставшего объектом преступления, следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником, из государственных розничных, рыночных или комиссионных цен на момент совершения преступления. При отсутствии цены стоимость имущества определяется на основании заключения экспертов» (в настоящее время указанный судебный акт утратил свою силу) [75]. В аналогичном понимании данное понятие применяется и в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6.12.2001 года: «В обоснование своего вывода о правильной квалификации

действий Терешонка по п. "б" ч. 3 ст. 160 УК РФ президиум областного суда указал, что объектом преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, является имущество коммерческой организации. Терешонок же растратил зерно Госкомрезерва России, вверенного ему на ответственное хранение, и его действия полностью охватываются диспозицией п. "б" ч. 3 ст. 160 УК РФ» [76].

Как мы можем заметить, в представленных судебных актах термином «объект преступления» закрепляется то, что в общеправовой научной литературе принято закреплять явление предмета правонарушения.

В иных имеющихся в открытых источниках судебных актах понятие «объект преступления» закрепляет то, что в общеправовой науке авторами общепринято называть объект явления нарушения права. В частности, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 года N 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ». Рассматриваемый термин в применении его к составу преступления, предусмотренного в ст. 140 Уголовного кодекса РСФСР (1960) закрепляет «безопасные условия труда работников предприятия, организации, колхоза и иных лиц, постоянная либо временная деятельность которых связана с данным производством» [77]. Мы можем обнаружить и иные примеры надлежащего применения термина «объект правонарушения» в уголовно-правовой практике. Так, Военной коллегией Верховного Суда РФ в одном из своих актов от 30.01.1996 года указано, что «объектом преступления, предусмотренного ст. 218.1 УК РСФСР, являются общественная безопасность и собственность» [78].

Подводя итоги анализу представленных актов, мы можем отметить, что судебная практика в уголовно-правовой сфере для обозначения категории предмета правонарушения в контексте преступного деяния пользуется такими понятиями, как «предмет преступления» и «объект преступления».

Таким образом, всё изложенное ранее говорит нам о том, что в российском законодательстве и судебной практике такие понятия как «объект» и «предмет», употребляются в различных семантических значениях. В ряде случаев они закрепляют тождественные смыслы, в иных – дифферентные, и не равнозначны смыслу аналогичных терминов в общеправовой научной доктрине.

Надлежит отметить, что многозначность и некая нечеткость в понимании терминов «объект» и «предмет», определенная тождественность в их использовании мы можем наблюдать повсеместно как общенаучной, философской литературе, так и в литературе из сферы общей теории права.

В философской науке отсутствует четкое и недвусмысленное разграничение понимания названных категорий. Помимо прочего, складывающаяся в национальном языке Российской Федерации некая повсеместная традиция употребления тех или иных слов и словосочетаний, по мнению ряда авторитетных ученых, дает нам возможность расценивать слова «вещь», «предмет» и «объект» как семантически тождественные понятия, заменяемые друг другом исключительно из соображений стилистики.

В одном из самых авторитетных словарей русского языка за авторством С.И. Ожегова семантически слово «объект» раскрывается как «явление, предмет, на который направлена какая-нибудь деятельность» [79].

В философском энциклопедическом словаре указывается следующее: «категория вещь широко использовалась в философии до XIX в., причем основным признаком вещи считалась ее телесность. В современной литературе вместо категории вещи обычно употребляют категории объекта и предмета» [80].

Некоторые авторы в своих работах вообще ставят знак равенства между семантическим наполнением слов «объект» и «предмет»: «объект (предмет) есть вообще то, что дано в познании, или на что обращена наша познавательная деятельность. Противоположность ему субъект – мыслящее,

чувствующее, желающее «я»... В обычном словоупотреблении объективным называется то, что имеет свое основание в природе вещей, независимо от познающего субъекта» [81].

Само же слово «объект» обнаруживает свои корни в латинском языке: «objectum» переводится с латыни на русский язык как «предмет». В философской науке данным словом закрепляется «то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта. Объект не тождествен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая вступает в отношение с субъектом» [82].

Как мы можем заметить, подобное соотношение семантического и научного понимания понятий объекта и предмета в философской науке и теории и практике русского языка коренным образом не совпадает соотношению категорий объекта правонарушения и предмета правонарушения в общеправовой науке. Это не дает нам возможности четко и недвусмысленно определить дифференцирующие признаки объекта и предмета правонарушения.

Крайне значимый вклад в научную разработку и обоснование соотношения рассматриваемых в настоящем параграфе понятий в сфере теории гражданского правоотношения создали ряд небезызвестных в отечественной гражданской цивилистике авторов. Мы не можем не отметить одно обстоятельство, аналогичное справедливому мнению В.А. Лапача о том, что современная теория правоотношений есть следствие развития фундаментальных теоретических положений именно в рамках доктрины частноправовой науки [83]. Например, теоретические положения, описывающие структуру и сущность правоотношения целиком и полностью, заимствованы общеправовой теории из цивилистической доктрины.

Проблема объекта правоотношения является едва ли не одной из самых дискуссионных в теории права, и до сегодняшнего времени не находит единообразного разрешения. Такое положение обусловлено в первую очередь

чрезвычайной сложностью согласования правовой формы и фактического содержания правоотношения.

Некоторое количество авторов в корне не признают положения о том, что объект правоотношения выступает как элемент его структурного наполнения. Главным подтверждением означенной позиции они называют то, что объект правоотношения не является его составной частью. Р.О. Халфина в одной из своих работ пишет следующее: «Поскольку правоотношения представляет собой идеологическое отношение, в его содержание не могут входить предметы материального мира, являющиеся объектом различных видов правоотношений» [84]. Данный автор считает, что, выступая первопричиной, некой предпосылкой для возникновения и развития правового отношения, объект по-прежнему является внешним по отношению к правовому отношению явлением, и не должен быть включен как отдельный элемент в его структурное наполнение.

Тем не менее, с учетом изложенного ранее, мы полагаем нужным сказать, что подавляющее большинство авторов в современной юридической литературе разделяют иную научную позицию. В частности, можно привести в качестве примера мнение О.С. Иоффе, который в одной из своих работ указывал, что «субъекты и объект, правомочия и обязанность – таковы элементы всякого, в том числе и гражданского правоотношения» [85]. В общем и целом авторы соглашались с озвученной ранее позицией, однако они совершенно иным образом формулируют определение понятия «объект правоотношения». Но важно заметить, что в таких случаях как исходное положение воспринимается то, что объект правового отношения должен находиться под правовым регулированием, модифицироваться или возникать в ходе процесса правоотношения. Здесь напрашивается вывод о наличии определенного сходства между категориями объекта правоотношения и объекта правонарушения в рамках означенной позиции: в приведенных случаях в качестве объектом воспринимается нечто, на что непосредственно направлена деятельность субъектов, что-то модифицирующееся (или

терпящее определенный ущерб, если речь идет о правонарушении) от такой деятельности субъектов.

Схожим образом, как в уголовно-правовой науке имперского периода развития был рассмотрен вопрос о множественной природе объекта уголовного правонарушения (как терпящее ущерб благо и как нарушаемое общественное отношение). В общеправовой и цивилистической научных теориях аналогичным образом содержатся положения о наличии двух разных видов объектов правового регулирования. Например, Н.Г. Александров в одном из исследований пришел к обоснованному выводу о том, что объект правового отношения это имущественный объект являющийся смысловой сутью отношений между субъектами, целью существования данного правоотношения, а объект правового воздействия ни что иное как поведение субъектов правоотношения [86]. Если говорить о правовых отношениях, проистекающих из договоров о передаче имущества, то, в соответствии с мнением М.И. Брагинского, надлежит выделять и дифференцировать «два рода объектов: объектом первого рода служат действия обязанного лица, а роль объекта второго рода играет вещь, которая в результате такого действия должна быть передана» [87]. Аналогичную научную позицию, но уже применимую к любому правоотношению занимает В.Н. Протасов [88].

Недвусмысленная дифференциация категорий объекта и предмета правоотношения приводится в одном из исследований В.С. Нерсисянца: «Объект правоотношения – это абстрактное содержание реализуемой нормы действующего объективного права, то есть соответствующие абстрактные положения ее гипотезы, диспозиции и санкции. Предмет правоотношения – это те конкретные субъективные права и конкретные юридические обязанности, для приобретения, осуществления и исполнения которых конкретные субъекты права вступают в конкретные правоотношения...» [89].

А.И. Коваленко ранее высказал интересную мысль, заключающуюся в том, что субъективные права и обязанности участников правового отношения обретают индивидуализированный и самостоятельный характер как раз в

предмете правового отношения, который выступает способом существования сопутствующего ему объекта. В рамках правового отношения, как он считает, предметом выступает часть некой осязаемой реальности, а именно то, что предоставляет любому лицу непосредственную способность удовлетворить ту или иную его потребность; если же рассуждать об объекте правового отношения, то он неосязуемо и незаметно присутствует в правовом отношении и воплощается в его предмете. А.И. Коваленко приводит пример в подтверждение своей позиции: «Лицо приобретает товар в частном магазине. Участниками этого правоотношения являются покупатель и продавец. Объектом же выступает частная собственность продавца, представленная в товаре. Когда же покупатель приобретает товар в государственном магазине, то объектом уже является государственная собственность, но выраженная, «опредмеченная» в товаре. Как видно, здесь предмет один и тот же – товар, а объекты различные» [90]. Подобное понимание взаимосвязи объекта и предмета правового общественного отношения в абсолютной тождественности схоже концепциям о соотношении объекта и предмета правового нарушения в современной общей теории права.

Другие известные и авторитетные авторы, а именно Л.И. Спиридонов и А.Г. Братко, разделяют означенную выше научную позицию и полагают обязательным и необходимым проводить четкое различие между объектом и предметом правового общественного отношения. В частности, в пример можно привести А.Г. Братко, который предложил именовать предметом правового отношения исключительно некое материальное или нематериальное благо, по поводу которого и для чего и существует это самое правовое общественное отношение. В качестве его объекта должно понимать фактическое общественное отношение, подпадающее под применимое в таком случае правовое регулирование. Л.И. Спиридонов пишет следующую мысль в одном из своих известных в литературе среди современных авторов исследований: «Не различение предмета и объекта правоотношения неминуемо привело бы к тому, что самые разные правоотношения обладали

бы одним объектом. Убийство одного и того же гражданина в одном случае из ревности, а в другом тем же лицом – по политическим мотивам образуют при одном и том же предмете совершенно различные преступления. В первом случае речь идет о бытовом убийстве, а во втором – о террористическом акте» [91]. Проведение аналогии с общеправовыми терминами «объект правонарушения» и «предмет правонарушения» в представленной позиции кажется нам весьма и весьма очевидным.

Представленное выше делает очевидным вывод о том, что разделение понятий объекта и предмета характерно не только для теории правонарушения, но и для теории правоотношения. Несмотря на все многообразие различных точек зрения авторов по данному вопросу, существенная (и можно даже сказать критическая – необходимая для доминанты) масса ученых полагает, что под объектом правового отношения надлежит понимать явление невещественное в отличие от вещественного его же предмета. Объект и предмет в приведенных позициях понимаются авторами как неотъемлемые части одного и того же правового отношения.

В рамках проведенного выше в настоящем параграфе обзора и анализа современной правоприменительной и судебной практики в Российской Федерации понятий «объект» и «предмет» применительно к категории правонарушения, а также небольшого, но существенного для целей настоящего исследования анализа терминов «объект» и «предмет» предоставляют нам очевидную возможность прийти к определенным и важным выводам. Семантическая тождественность таких слов, как «объект» и «предмет» в современном русском языке ведет нас к отсутствию смысловой единообразности, каждого из названных теоретических понятий в положениях отечественного законодательства, актах судебной практики Российской Федерации, и даже в науке философии, общеправовой теории и отраслевых правовых науках. Довольно часто слова «объект» и «предмет» употребляются в теории и на практике для закрепления одного и того же явления. Тем не менее, даже в тех ситуациях, когда каждое из названных

понятий используется авторами и практиками в исключительно верном значении с позиции правовой науки, мы не можем обнаружить единообразное понимание фундамента их сущностного разделения среди авторов в современной юридической литературе.

Исходя из ранее изложенного как в настоящем, так и в предыдущем параграфе, мы можем сделать следующие выводы. Признаками предмета правонарушения являются:

- обусловленность правовой нормой;
- правовая охрана;
- часть материи любого рода;
- элемент общественного отношения;
- проводник вреда на само общественное отношение.

На основе приведенных признаков предмета правонарушения мы можем попробовать дать ему свое определение. Предметом правонарушения, с нашей точки зрения, выступают части материи любого рода (овеществленной и не овеществленной), находящиеся под правовой охраной и выступающие элементом общественного отношения, через воздействие на которые причиняется вред общественному отношению в целом.

Выводя представленное выше определение, мы руководствовались научной позицией Г.А. Ожеговой, которая полагает, что не стоит в него включать такие понятия как «материальный мир» и «нематериальный мир». Так как, «в первом случае будет возникать ощущение, что к предметам относят только овеществленные предметы, а во втором может сложиться впечатление, что предмет не является разновидностью материи» [30, с. 148].

Использование в литературе данного предмета позволит исключить ряд существующих в теории и на практике проблем. Например, такое определение позволит дать наиболее полную и точную классификацию существующих в настоящее время предметов правонарушения. Также предложенное определение устраняет ранее рассмотренную проблему – проблему существования беспредметных правонарушений, существование

которых противоречит всеобщим научным постулатам, провозглашающим предметный характер любой человеческой деятельности.

Если говорить о наиболее полной классификации предметов правонарушений, которая может стать возможной с принятием представленного определения, то на основе признака «овеществленности», предметы можно разделить на две категории – материальные и нематериальные. Нематериальные предметы делятся на те, что относятся к правовому полю (субъективные права и блага, что они отстаивают, интересы личности, общества и государства), и на те, что к правовому полю не относятся (объекты интеллектуальной собственности). По отраслевому признаку (предмету правового регулирования или правовой охраны) предметы правонарушения можно разделить на уголовные, административные, гражданские и иные.

Озвученные выводы по результатам исследования, описанного в рамках настоящего параграфа, целиком и полностью согласуются с выводами из первой главы, по итогам которой было сказано, что любая человеческая деятельность носит предметный характер, в том числе, и противозаконная. У любого правонарушения есть свой предмет, в независимости от того, материален он или нет.

Мы полагаем, что взгляды авторов, считающих, что предметом правонарушения может быть только и исключительно часть вещественной материи, в корне ошибочны.

Ранее, в выводах из первой главы, приводился пример правонарушения, связанного с незаконным подключением к линии электросети и кражей электрической энергии. Если мы допустим мысль о том, что предмет правонарушения – вещественное явление, то такое правонарушение будет беспредметным, поскольку невозможно полагать, что электрическая энергия – нечто вещественное. Несмотря на то, что в физической науке энергия и материя – две стороны одной и той же сущности, в реальности под вещественным мы понимаем лишь оформленные, структурно определенные

элементы объективной реальности, чего нельзя сказать об энергии в любой ее форме.

2.2. Место предмета правонарушения в составе правонарушения

В работах известного в науке автора А.Н. Трайнина, в которых он исследует категорию состава правонарушения применительно к науке уголовного права утверждается, что структурной составляющей состава правонарушения необходимо и достаточно признавать любой из фактических признаков, определяющий в множестве с иными признаками характер и степень общественной опасности незаконного посягательства.

В современной общеправовой теории различают следующие группы признаков состава правонарушения:

- признаки состава правонарушения, дающие характеристику объекту незаконного посягательства (объект правонарушения);
- признаки состава правонарушения, дающие характеристику объективной стороне незаконного посягательства (объективная сторона правонарушения);
- признаки состава правонарушения, дающие характеристику субъекту незаконного посягательства (субъект правонарушения);
- признаки состава правонарушения, дающие характеристику субъективной стороне незаконного посягательства (субъективная сторона правонарушения).

Как также полагает в одной из работ названный ранее автор, понятия «элемента состава правонарушения» и «признака состава правонарушения» выступают тождественными в своем семантическом наполнении в современной юридической научной литературе [92]. В существующей на данный момент времени научной правовой доктрине есть и иная позиция. Она заключается в утверждении авторами, ее придерживающимися, того, что в качестве элементов состава правового нарушения выступают названные

ранее группы признаков такого нарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Признаки состава правонарушения, с рассматриваемой позиции авторов, в свою очередь, включаются в названные элементы как его составные и неотъемлемые части. Озвученные выше доктринальные и научные расхождения в понимании места признаков состава правонарушения не обладают существенным и важным в рамках общеправовой теории значением для целей проводимого в настоящий момент исследования. Нам представляется допустимым принять ранее изложенную позицию А.Н. Трайнина, так как тот выступает одним из основоположников и наиболее значимых исследователей в сфере научного учения о составе правонарушения в имеющейся на сегодняшний день научной литературе.

В современной юридической литературе выступает общеизвестным тот факт, что признаки состава правового нарушения необходимо дифференцировать на две самостоятельные, но не в полной мере независимые друг от друга группы. В первую группу таких элементов авторами включаются те признаки, что в обязательном и неоспоримом порядке должны быть присущи каждому составу правового нарушения: без таких признаков состав любого правонарушения немыслим и невозможен. Среди таких признаков мы можем выделить объект преступления, деяние правонарушителя, негативные последствия, причинная связь между деянием и негативными последствиями, субъект правонарушения, виновность. Вторая группа, рассматриваемых в настоящем абзаце элементов, носит, наоборот, в некоторой степени факультативный, дополняющий характер. Признаки данной группы могут иметь место в составе, но они могут не упоминаться в конкретных составах правонарушений. Существенное количество авторов в современной научной литературе полагают, что признаками, включаемыми в такую группу, являются предмет правового нарушения, время и место совершения правонарушителем незаконного посягательства, обстановка, включающая в себя набор явлений объективной действительности, способ

совершения незаконного посягательства, орудия и средства совершения правонарушения, мотив правонарушителя и его цель.

Мы вынуждены отметить для чистоты исследования, что в числе указанных в положениях действующего закона (уголовного, административного или любого иного) признаков имеются «избранные» признаки, более значимые или менее значимые, основные и второстепенные, главные или дополнительные. Если мы утверждаем о наличии состава правового нарушения, то такое утверждение должно и необходимо подкреплять доказательствами, свидетельствующими о наличии всех признаков его состава без каких-либо исключений. Отсутствие малейшей возможности установить наличие какого-либо из них, прямо ведет нас к невозможности установить наличие состава данного конкретного правонарушения. Поскольку в таком случае, презюмируется факт отсутствия данного признака, предполагаемого состава правового нарушения.

Научная дискуссия в современной общеправовой теории о том, надлежит ли теоретикам и практикам воспринимать предмет правового нарушения обязательным и необходимым или же, напротив, факультативным (дополняющим, не обязательным) признаком состава правового нарушения длится на протяжении довольно длительного времени в истории юридической науки. Такая проблема не выступает исключительно догматической и доктринальной, поскольку ее разрешение и поиск необходимых ответов есть следствие исключительного субъективного понимания тем или иным автором сущностной правовой природы предмета правового нарушения.

Попробуем рассмотреть и проанализировать первую позицию по означенной в предыдущем абзаце проблеме, которая вполне традиционно и, с нашей позиции, закономерно имеет существенно большее число последователей в научной юридической литературе. Она заключается в том, что предмет правонарушения выступает факультативным признаком:

«Имеются составы, в которых указания на предмет отсутствуют. Искусственно измышлять в подобных случаях «предмет» нет оснований». Н.И. Коржанский также в другой своей работе высказался о том, что «существует значительное число преступлений, которые не имеют предмета воздействия и которые условно можно именовать беспредметными» [93].

Разделяя изложенную позицию, Е.А. Фролов писал: «В случае, когда они являются материальными образованиями, воздействие на объект отношения становится легко доступным для восприятия со стороны. В этом случае воздействие на объект отношения (предмет) может быть зафиксировано, измерено; оно оставляет внешние, объективные следы... Это обстоятельство использует законодатель, характеризуя в норме права объективные признаки поведения, признаваемого преступным; он указывает на эти внешние установленные изменения как на тот ориентир, который необходим судебно-следственным органам». И в дальнейшем продолжал так: «О предмете преступления как самостоятельном признаке состава преступления правомерно ставить вопрос лишь там, где происходит преступное посягательство на такие общественные отношения, само существование которых тесно связано с наличием соответствующих материальных предметов» [94].

Совершенно противоположной позиции по рассматриваемой проблеме следовал Н.А. Беляев. Раскрывая понятие предмета правонарушения как составляющей объекта незаконного посягательства, он в одной из своих работ утверждал, что «так называемых «беспредметных» преступлений не существует, ибо совершить посягательство на общественное отношение невозможно без воздействия на его элементы, то есть на предметы посягательства. Составы преступлений отличаются с этой точки зрения не тем, что в одних предусмотрены преступления, где имеется предмет посягательства, а в других – такие, где предмета нет, а тем, что в одних составах предмет введен к качеству обязательного признака, а в других он лишь подразумевается» [95]. Означенное немногим ранее мнение автора

целиком и полностью было поддержано в дальнейшем со стороны П.Н. Панченко, раскритиковавшего Н.И. Коржанского за понимание им сущности явления предмета правонарушения исключительно как объекта, элемента материального мира. Названный ученый в одной из своих работ изложил позицию: существование «беспредметных» правонарушений в корне невозможно, поскольку в противном случае будет невозможным процесс выявления механизма и путей причинения вреда объекту правонарушения в таких случаях [96]. А.А. Герцензон аналогичным предыдущим авторам образом признавал предмет правонарушения исключительно обязательно составляющей в каждом составе правонарушения [97].

Довольно интересной нам показалась концепция В.К. Глистина, в рамках которой им отождествляется предмет правонарушения и предмет правоотношения. Как он пишет, «признание положения о существовании беспредметных преступлений по существу означало бы признание существования и беспредметных общественных отношений. Однако общепризнанным является отсутствие таковых» [98]. Также он отмечает, что «неправилен ... сам подход к решению вопроса о предмете преступления с позиции наличия или отсутствия материального предмета как компонента объекта. Любое материальное отношение содержит ничуть не больше «материала», чем нравственное, религиозное и т.п. отношение. Отношение есть отношение, его несколько не делает ощутимее или весомее наличие в нем в качестве элемента вещи, а точнее, социальных свойств данной вещи» [98]. Упомянутый ранее автор, тем не менее, также отвергал и предложенный Н.А. Беляевым теоретический взгляд на понимание и восприятие предмета правонарушения как каждым внутренним системным составляющим элементом охраняемого посредством правовых норм, изложенных в положениях действующего законодательства, общественного отношения, который подвергается негативному воздействию незаконным посягательством нарушителя права. Через и с помощью поддержки научной позиции о должной дифференциации правовых отношений на материальные

и нематериальные (в понимании автора, как он пишет в своей работе, – идеологические), он считал обязательным и необходимым установление и изучение предмета в каждом претерпевающем некий определенный ущерб правовом отношении. Резюмируя и подводя итог, можно сказать, что еще В.К. Глистиным в юридической научной литературе был аргументированно затронут вопрос и изложена теоретическая позиция, согласно которой предмет правонарушения может быть нематериальным.

Однако, сопоставление до степени равенства предмета правонарушения и предмета правоотношения, столь же как и возможность наличия «беспредметных» правонарушений мы не можем считать истинным в том числе и по основаниям, изложенным ранее в настоящей работе.

На протяжении довольно долгого времени основным фактом, который подтверждал позицию авторов, полагающих необходимым отнести предмет правонарушения к его же объекту служил довольно логичный, с нашей позиции, аргумент о теснейшей сущностной взаимосвязи предмета правового нарушения с нарушаемыми в ходе незаконного посягательства правонарушителя общественными отношениями. Аксиоматично полагая в корне ошибочными и крайне неверными «попытки отрыва предмета от объекта посягательства и отнесение его к объективной стороне преступления», М.А. Гельфер в одной из своих научных работ, посвященных исследуемой в настоящее время нами тематике, писал: «предмет преступления является материальным выражением соответствующих общественных отношений, материальной предпосылкой или необходимым условием существования или развития определенных общественных отношений» [99].

Стремлений авторов устранить доминанту и превалирование в умах теоретиков озвученной позиции в современной и не очень юридической научной литературе мы можем обнаружить крайне мало. Возможно, наиболее аргументированной, понятной, обусловленной логическими связями и в некоторой степени соответствующей основным идеям современной правовой

доктрины можно воспринимать позицию А.А. Пионтковского, категорическим образом отвергающего и не принимающего «введение в учение об объекте преступления понятия предмета посягательства». Тем не менее, так как имеющаяся сущностная взаимосвязь целого множества предметов правонарушения с нарушаемыми в ходе незаконных посягательств правонарушителя и подпадающими под их негативное влияние общественными отношениями была, безусловно и понятно, очевидна многим авторам, А.А. Пионтковский был вынужден публично признать, что «непосредственным объектом посягательства при совершении ряда преступлений могут быть не сами общественные отношения, а их элементы, их материальное выражение – при посягательстве на социалистическую и личную собственность, их субъекты – при посягательстве на личность советского гражданина» [48]. Как раз подобным образом и с помощью изложенных аргументов названный автор-теоретик предпринял обоснованную попытку конечным образом разрешить вопрос о двойственной природе предмета правонарушения. Но именно это решение способствовало появлению иной, не менее значимой проблеме. В позиции А.А. Пионтковского неоднозначным становился уже сам объект правового нарушения, так как в некотором и, наверное, правильнее было бы сказать, значительном количестве незаконных посягательств, к примеру, в посягательствах на собственность, «материальное выражение» правоотношений по поводу собственности не терпит ни малейшего ущерба от таких незаконных посягательств. Подобный подход не получил масштабной и распространенной в кругах ученых, проводящих исследования по теории правонарушения, поддержки в научной юридической литературе.

Изложенная в дальнейшем в настоящей работе специфика взаимосвязи предмета и объекта правонарушения приводит нас и ряд иных авторов к признанию того, что в существенной массе правонарушений их предмет выступает в некотором роде связывающим объект и объективной стороной

звенном, поскольку определенные последствия незаконного деяния «принадлежат одновременно и действию и объекту».

Довольно тесной, с нашей точки зрения, выглядит связь предмета правонарушения с иным признаком объективной стороны – орудиями и средствами совершения правонарушения.

Если говорить об их внутренней сущности, то дифференциация по внутреннему наполнению таких явлений в означенных ранее в настоящем параграфе категориях признаков состава правового нарушения в современной общеправовой теории происходит следующим образом: предмет правонарушения находится под непосредственным воздействием со стороны правонарушителя, а орудия и средства совершения правового нарушения для такого воздействия им применяются в ходе его незаконной деятельности. Мы обоснованным образом предполагаем и делаем вывод, что посредством использования лишь и только изложенной ранее дифференциации в некоторых ситуациях будет довольно сложно (если не невозможно) установить роль того или иного явления в составе правового нарушения, поскольку очевидным образом орудия и средства совершения правового нарушения также подвергаются в определенной (а иногда и значительной) степени непосредственному воздействию нарушителя права с целью получения нужных ему качеств и свойств орудий и средств, применимых для совершения того или иного преступного посягательства.

Еще один критерий сущностной дифференциации предмета правового нарушения с орудиями и средствами его совершения, используемыми правонарушителем в ходе незаконной деятельности, мы небезосновательно полагаем, проистекает из устоявшегося в современной юридической науке положения о месте означенных признаков в теории о составе правонарушения. Такое место заключается в том, что, с позиции современных авторов-теоретиков, предмет правового нарушения во всех случаях находится в связи с объектом правонарушения. Тем не менее, как с высокой долей справедливости и научной обоснованности отмечает А.С.

Денисова в одной из своих работ, «орудия и средства совершения правонарушения, наоборот, ни в какой подобной связи с теми же общественными отношениями, подвергаемыми посягательству со стороны правонарушителя, не находятся» [100].

Тем не менее, даже при наличии обоих критериев дифференциации предмета правонарушения с орудиями и средствами его совершения, мы можем обнаружить никоим образом неустранимую двойственность и неопределенность правового статуса множества объектов реальной действительности. В них мы включаем вещи, несущих потенциальную опасность для объекта правонарушения, – например, источники повышенной опасности, запрещенные к обороту вещи или же сфальсифицированные документы. Каждое действие с означенными объектами, не обладающее санкцией на его совершение, причиняет определенный охраняемым правовыми нормами ценностям или же, в некоторых случаях, создает такую угрозу. Нормы Уголовного кодекса РФ, собственно говоря, и создаются, поскольку обусловлен факт их существования.

Как мы можем обнаружить, на стыке устоявшегося восприятия предмета правонарушения и орудий и средств его совершения находится отдельная и самостоятельная категория явлений, обладающих свойствами предмета, поскольку выступают целями незаконного посягательства, но в то же самое время выступающими чуждым фактором для благ, охраняемых законом, как орудия и средства совершения правонарушения. Их наличие вынуждает нас прийти к логическому к выводу о имеющейся необходимости пересмотреть устоявшееся в современной юридической литературе представление о месте предмета правонарушения в его составе как факультативного признака объекта. Во-первых, признать предметы признаком объекта правонарушения не представляется возможным. Во-вторых, признав только лишь означенные предметы в качестве признака объективной стороны правонарушения, мы таким образом отнесем предмет правонарушения сразу к двум элементам его

состава: и к объекту правонарушения, и к его объективной стороне. Но, как верно указывал В.Я. Тацкий выше, подобное будет крайне нелогичным.

Вышеизложенное, а также все доводы и соображения, представленные в настоящем параграфе о необходимости разделения предмета общественного отношения и предмета правоотношения, о невозможности обнаружить взаимосвязь между общеопасными предметами правонарушений и охраняемыми положениями действующего закона благами, о присутствии теснейшей взаимосвязи предмета правонарушения с общественно опасными последствиями (что рассматривается в ином параграфе настоящей работы), а также с орудиями и средствами правонарушения, выступают подтверждением предложенной ранее Б.А. Куриновым позиции, согласно которой все формы взаимодействия с предметом правонарушения выступают лишь «способом преступного воздействия на непосредственный объект преступления» [101]. Тем не менее, способ совершения правонарушения выступает как признак, дающий характеристику незаконному посягательству извне и является составляющей частью объективной стороны состава правонарушения.

Резюмируя вышеизложенное в настоящем параграфе и подводя ему закономерный итог, необходимо сделать следующие выводы из проведенного нами исследования.

Мы считаем, что крайне целесообразным и логичным выводом из изложенного ранее в настоящем параграфе будет рассматривать предмет правонарушения в группе признаков состава правонарушения, характеризующих его объективную сторону.

Такой вывод следует из того, что мы соглашаемся с изложенными ранее позициями авторов, в частности, с позицией о том, что незаконное взаимодействие правонарушителя с предметом правонарушения выступает только лишь формой воздействия на объект правонарушения, что приводит нас к мысли о том, что такое является способом совершения правонарушения, которые, как известно, включаются в группу признаков,

характеризующих объективную сторону незаконного деяния правонарушителя.

2.3. Соотношение предмета и объекта правонарушения

Ранее в настоящей работе нами были рассмотрены особенности и взаимосвязи в соотношений как общенаучных категорий «предмет» и «объект», так и ненаучного семантического наполнения данных слов. Помимо прочего, мы рассмотрели соотношение предмета и объекта правоотношения в ходе аналитической деятельности, направленной на выработку понятия предмета правонарушения. В рамках настоящего параграфа предлагаем более подробно остановиться на вопросе соотношения таких категорий как «предмет правонарушения» и «объект правонарушения».

В рассматриваемой проблеме осмысления соотношения предмета и объекта правонарушения учёные не пришли к единому и общепринятому в литературе мнению. Основная причина существования данной проблемы – отсутствие единой точки зрения на понимание сущности предмета правонарушения, о чём говорилось в предыдущих частях настоящей работы.

Если говорить об имеющихся в современной научной литературе позициях, то можно привести мнение А.А. Пионтковского, который, например, не считает необходимым проводить различие между категориями предмета и объекта правонарушения. Он считает, что отсутствует методологическое обоснование введения в учение об объекте правонарушения категории его предмета. Как он пишет в одной из своих работ, «если это только переименование непосредственного объекта предмет посягательства, то по существу ничего не меняется, так как непосредственный объект и есть предмет, на который воздействует преступник (имущество, здоровье человека и т.д.), и, оставляя этот предмет в учении об объекте, не называть его объектом – значит всего лишь

неоправданно изменять ранее установившуюся и более правильную терминологию» [102, с. 119]. Тем не менее, такие взгляды А.А. Пионтковского не нашли поддержки в научном сообществе.

Д.Н. Бахрах, изучая рассматриваемый в настоящем параграфе вопрос, пишет следующее: «предмет посягательства – элемент общественного отношения, его составная часть. Очевидно, что охрана общественных отношений предполагает охрану элементов, их образующих» [103, с. 29]. Его позицию разделяет Б.С. Никифоров, который утверждает следующее: «предмет преступления – это всего лишь составная часть объекта преступления – общественного отношения. Отношения между людьми в обществе часто включают в себя различного рода состояния и процессы и разнообразные предметы материального и нематериального мира – орудия и средства труда, всякого рода сведения и т.д. Не будучи сами по себе общественными отношениями, они в определенных случаях входят в «состав» этих последних и являются их неотъемлемой частью. Именно потому, что такие предметы, вещи и состояния сами по себе не являются общественными отношениями, они могут входить в состав различных общественных отношений» [104].

Здесь же можно привести мнение В.Ф. Анисимова, полагающего, что «объект административного правонарушения (проступка) непосредственно взаимосвязан с предметом посягательства. Воздействуя на предмет посягательства, правонарушитель тем самым оказывает воздействие на общественное отношение, охраняемое нормами административного права. Поэтому выделение предмета проступка из структуры объекта (в качестве самостоятельного элемента) будет иметь важное значение прежде всего с позиции его практического применения для предельно точной, правильной квалификации административных правонарушений, исключая неточности и ошибки» [105, с. 22].

Также можно привести позицию И.П. Семченко, которая показалась нам крайне интересной. Автор пишет, что «если же попробовать в комплексе

решить вопрос об употреблении терминов «объект преступления» и «предмет преступления», то довольно удачным было бы использование термина «объект» для обозначения благ нематериальных, а термина «предмет» для обозначения благ (ценностей) материальных» [106, с. 181]. Позиция интересна в том плане, что из приведённой цитаты следует, что И.П. Семченко, рассуждая об объекте правонарушения воспринимает под ним не общественное отношение (на чем мы более подробно останавливались в предыдущих параграфах), а «правовое благо». Но такая позиция, очевидно, приводит нас к новой проблеме – трудностям в определении предмета преступления. Изложенное есть ни что иное как обоснование необходимости поиска авторами компромисса в определении соотношения категорий предмета и объекта правонарушения. Тем не менее, изложенное также говорит и о том, что в ряде случаев предмет одновременно будет выступать и объектом правонарушения, однако он не будет подвергаться негативным воздействиям в ходе совершения правонарушения.

Чаще всего вопрос соотношения предмета и объекта правонарушения рассматривается в литературе в рамках уголовно-правовой науки и с неким уклоном в прикладной характер исследований. Например, небезызвестный учёный В.Н. Кудрявцев, рассуждая о проблематике соотношения предмета и объекта преступления как раз именно в рамках уголовно-правовой науки утверждал, что посредством уголовно-правовых норм охраняются не вещи и не предметы в их материальном воплощении, а общественные отношения, их затрагивающие. Таким образом, с его позиции, предмет правонарушения (или правильнее в таком случае указать – «преступления») имеет крайне важное значение для целого ряда институтов уголовного права [107, с. 66-67]. Он же в другой своей работе утверждает, что в ходе осуществления преступного деяния субъект оказывает непосредственное воздействие на предмет преступления, находящийся в тесной взаимосвязи с его объектом. Предмет же выступает, как он полагает, предпосылкой объекта преступления, «первоосновой» того общественного отношения, с которым он связан.

Предмет является именно внешней, осязаемой формой выражения общественного отношения [108, с. 57].

И.С. Самощенко, также рассматривая вопрос соотношения предмета и объекта правонарушения в рамках уголовно-правовой науки, писал, что «между тем, отрыв предмета правонарушения от его объекта встречается довольно часто, вследствие чего сам объект правонарушения превращается в нечто эфемерно-бестелесное, терпящее вред от правонарушений лишь в конечном счете, так сказать, лишь в идее, в понятии» [109, с. 121]. Данное утверждение, с нашей точки зрения, абсолютно истинно в том плане, что недопустимо разрывать связь между объектом и предметом правонарушения, которые, очевидно, самым непосредственным образом связаны друг с другом. И данное утверждение, как мы полагаем, абсолютно верно, несмотря на тот факт, что предмет выступает конкретным благом, на которое направлена деятельность правонарушителя, а объект – закрепленное в праве общественное отношение. Хотя бы по тому простому основанию, что общественное отношение и возникает по поводу таких благ.

В этом же контексте можно привести позицию Б.С. Никифорова, полагающего, что предмет и объект правонарушения соотносятся между собой не как независимые структурные элементы правонарушения, располагающиеся отдельно и оторвано друг от друга, а как связанные части одного единого целого, которое, безусловно, может включать в себя и иные составляющие. Предмет правонарушения, как это следует из его позиции, выступает структурным элементом объекта незаконного посягательства, непосредственной частью общественного отношения [110, с. 122-133].

Попробуем рассмотреть ряд практических примеров для более полного понимания соотношения предмета и объекта правонарушения. В первую очередь рассмотрим ряд судебных актов по различным уголовным делам, поскольку именно в рамках уголовной практики вопросы соотношения предмета и объекта правонарушений имеют крайне важное значение.

Приговором от 30 июля 2020 г. Богатовским районным судом Самарской области было завершено производство по уголовному делу N В1-2-27/2020 по обвинению Доянова А.В. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ. В тексте приговора указано: «Доянов А.В. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия, то есть преступление, предусмотренное п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что Доянов А.В. сознательно, умышленно с применением значительной силы ударил потерпевшего в грудную клетку, что повлекло причинение ему тяжкого вреда здоровью, что явно не вызывалось реальной обстановкой, и характером предшествовавшей этому ссоры. Доянов А.В. специально нанес потерпевшему удар в область грудной клетки, используя в качестве оружия металлический сенорез, осознавая, что совершает деяние, опасное для здоровья другого человека, при этом безразлично относился к факту наступления таких последствий, действуя с не конкретизированным умыслом, т.е. безразлично относясь к наступившим последствиям. Поскольку в момент совершения преступления действия Доянова А.В. носили осмысленный и целенаправленный характер, следовательно, в этом случае ответственность наступает на общих основаниях в зависимости от фактически наступивших последствий» [111]. В ходе осуществления данного преступного деяния осужденный Доянов А.В. причинил потерпевшему тяжкие телесные повреждения, опасные для его жизни. Предметом настоящего преступного посягательства выступили непосредственные блага, охраняемые правом – здоровье и жизнь потерпевшего. Объектом преступления стали субъективные права потерпевшего на здоровье и жизнь. Также приведенный пример является одной из тех ситуаций, где предмету преступного посягательства причиняется определенный вред. Помимо прочего, можно отметить, что жизнь потерпевшего являлась в данном случае квалифицированным

предметом преступления, повлиявшим на квалификацию преступного деяния, совершенного осужденным Дояновым А.В.

30 июля 2020 года Сызранский городской суд Самарской области приговорил Ракушина В.Н. признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В тексте приговора указано следующее: «в период времени с 10-00 часов 08.08.2019 г. по 11-00 часов 11.08.2019 г., более точное время не установлено, Ракушин В.Н. находился вблизи гаражного массива, расположенного в 150 метрах от *** г. Сызрани Самарской области, где у него возник преступный умысел на тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в иное хранилище, а именно в гараж N *** указанного гаражного массива. Реализуя преступный умысел, Ракушин В.Н., находясь в состоянии алкогольного опьянения, воспользовался тем, что за его действиями никто не наблюдает, действуя из корыстных побуждений, острием имевшегося при нем топора отжал створку двери гаража, через проем просунул руку, вытащил запорные штыри и открыл створку двери гаража, через нее незаконно проник в гараж N ***, являющийся иным хранилищем, откуда с разных мест взял и вынес на улицу, тем самым тайно похитив, находившееся в гараже имущество: бензиновую пилу марки «Дружба» в корпусе красного цвета стоимостью 5 000 рублей; водяной насос неустановленной марки в корпусе красного цвета стоимостью 3 000 рублей. После чего Ракушин В.Н. с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, распорядившись им по своему усмотрению. Тем самым Ракушин В.Н. причинил своими преступными действиями собственнику имущества *** материальный ущерб на сумму 8 000 рублей. Он же, *** в период времени с 16-00 часов по 17-00 часов, находился с разрешения *** в *** г. Сызрани Самарской области, где они совместно распивали спиртные напитки. В этот момент у Ракушина В.Н. возник преступный умысел на тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину, а именно, сотового телефона марки «XiaomiRedmiNote 5A», находившегося в

чехле книжке, сотового телефона марки «LG» L40 и цифрового эфирного приемника «CADENA» CDT-1711SB. Реализуя преступный умысел, Ракушин В.Н., пребывая в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, действуя из корыстных побуждений, воспользовавшись тем, что *** находится в другой комнате и за его действиями никто не наблюдает, тайно похитил, взяв со стола в зальной комнате: сотовый телефон марки «XiaomiRedmiNote 5A» в корпусе серебристого цвета стоимостью 7 500 рублей в чехле-книжке черного цвета стоимостью 500 рублей, с сим-картами и картой памяти на 8 Гб, не представляющими материальной ценности для потерпевшего; сотовый телефон марки «LG» L40 в корпусе белого цвета стоимостью 1 500 рублей с сим-картой не представляющей материальной ценности для потерпевшего, которые положил в карман надетых на нем брюк. Далее Ракушин В.Н. прошёл в спальную комнату, где тайно похитил, взяв со стола цифровой эфирный приёмник «CADENA» CDT-1711SB в корпусе чёрного цвета стоимостью 900 рублей, который убрал под кофту, надетую на нем. После чего Ракушин В.Н. с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, распорядившись им по своему усмотрению. Тем самым Ракушин В.Н. причинил своими преступными действиями собственнику имущества *** значительный материальный ущерб на сумму 10 400 рублей»; «таким образом, вина подсудимого Ракушина В.Н. по факту хищения имущества *** полностью доказана совокупностью вышеизложенных доказательств, его действия правильно квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная с незаконным проникновением в иное хранилище. Кроме полного признания своей вины подсудимым Ракушиным В.Н его вина в совершении хищения имущества ***, подтверждается показаниями потерпевшего, свидетелей и материалами дела, исследованными в судебном заседании» [112]. В приведенном примере, в отличие от предыдущего, вред предмету преступления не причинялся, однако, как и в вышеизложенной ситуации один из предметов – жилище – выступил фактором, оказывающим

влияние на квалификацию преступного деяния. Предметами указанного преступного посягательства выступили имущество потерпевшего и его жилище. Объектами же стали право на неприкосновенность частной собственности, а также право на неприкосновенность жилища, гарантированные потерпевшему Конституцией Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права.

Если говорить о сфере гражданского права, не останавливаясь подробно на вопросах сущности, правовой природы и признаков гражданско-правового правонарушения можно привести в пример распространённую ситуацию – сход снега и наледи с крыши строения на, например, автомобиль, припаркованный возле него. Примером такой ситуации может быть гражданское дело, рассмотренное 28 мая 2020 года Октябрьским районным судом города Самары N 2-1452/2020 по иску Фролова С.И. к Мариничевой Л.Н. о возмещении ущерба. В рамках рассмотрения гражданского дела было установлено, что «истцу Фролову С.И. на праве собственности принадлежит транспортное средство марки ***, года выпуска ***, госномер ***, что следует из Паспорта транспортного средства *** и свидетельства о регистрации ***. Из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от *** следует, что *** отдел полиции *** УМВД по г. Самаре поступило заявление Фролова С.И., по факту повреждения автомашины Лада Калина госномер ***. В ходе проверки установлено, что Фролов С.И. в настоящее время управляет автомобилем Лада Калина госномер ***, примерно в *** часов Фролов С.И. припарковал свой автомобиль во дворе дома *** по ул. Куйбышева. Примерно в *** часов Фролов С.И. подошел к своей машине, и обнаружил, что на машине лежит снег и лед. Осмотрев автомобиль, обнаружил повреждение капота в виде вмятин, повреждение крыши в виде вмятин и повреждение лобового стекла». В мотивировочной части судебного акта указано: «в соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено

возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). В соответствии со ст. 210 ГК РФ, собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором» [113]. Таким образом, Мариничевой Л.Н. было совершено гражданское правонарушение, выраженное в причинении имущественного ущерба Фролову С.И. Предметом правонарушения выступил автомобиль, принадлежащий Фролову С.И. на праве собственности. Объектом стало же, как и в предыдущем случае, право на неприкосновенность собственности истца.

Таким образом, подводя итог параграфу, необходимо сделать следующие выводы. В проблематике определения соотношения категорий предмета и объекта правонарушения есть несколько важных обстоятельств методологического характера, влияющих на данный процесс познания. Во-первых, необходимо помнить о том, что в ходе правонарушения оказывается непосредственное воздействие на предмет правонарушения, но вред предмету наносится далеко не во всех случаях. Во-вторых, воздействие правонарушителем на предмет есть фактор оказания негативного воздействия на общественное отношение в целом. В-третьих, в качестве предмета правонарушения может выступать любой из его элементов, кроме его субъектов. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что предмет правонарушения одновременно выступает и признаком правонарушения, и элементом правонарушения. В различных ситуациях под предметом правонарушения мы можем понимать одну из следующих категорий: объект отношения (объект именно общественного отношения, но не объект правонарушения), связи социального характера, непосредственные действия сторон отношения.

Общеизвестным является тот факт, что ряд общественных отношений не только охраняется посредством норм права, но и регулируется ими. В таких случаях субъект правонарушения будет посягать не на общественное отношение, а на правоотношение. Таким образом, в ходе посягательства на правонарушение (выступающее в данных случаях как предмет правонарушения) в зависимости от его специфики предметом будут выступать интересы личности, общества и государства, а также совокупность субъективных прав и обязанностей.

Напомним предложенное в параграфе 2.1. настоящей работы определение предмета правонарушения: «часть материи любого рода (овеществленной и не овеществленной), находящаяся под правовой охраной и выступающая элементом общественного отношения, через воздействие на которую причиняется вред общественному отношению в целом».

В завершение же можно привести мнение Г.А. Ожеговой, которая по данному вопросу пишет, что «предмет правонарушения является признаком и элементом объекта правонарушения. Воздействие на предмет правонарушения у различных правонарушений не однородное. Одни правонарушения воздействуют на предмет и причиняют вред как ему, так и общественному отношению, а другие путем воздействия на него оставляют предмет в неизменном состоянии, но причиняют вред общественному отношению» [30, с. 152-153].

2.4. Соотношение предмета правонарушения и потерпевшего

Любое явление общественного отношения, не исключая и явление правоотношения, обнаруживает в своей внутренней структуре и участников таких отношений. Социологические науки используют такие термины как «субъекты общественного отношения» для обозначения рассматриваемых категорий, юридическая же наука – «субъектами права» или же «субъектами правоотношения». «Субъект – это та ось, вокруг которой формируются правовые связи, отношения, он – центр правовой сферы» [114, с. 121]. Важно отметить, что юридическая наука проводит четкую грань между понятиями субъект права и субъект правоотношения [114-116 и др.]. С самого рождения любое лицо обретает правоспособность и автоматически вступает в некоторое количество правоотношений. В первую очередь, вступает в абсолютные и общерегулятивные, в пределах которых ни одно другое лицо не должно причинять вред кому бы то ни было. Примером одного из таких правоотношений, возникающих в момент рождения человека, можно считать правоотношения, складывающиеся по поводу гражданства; в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» установлено, что гражданство выступает как «устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей» [117]. Иного содержания вопрос о том, что по своей воле и инициативе осуществлять принадлежащие ему права, посредством своих действий обретать субъективные обязанности, а также нести за них юридическую ответственность человек, обладающий лишь признаком правоспособности, до достижения им возраста, определенного в законе, не имеет возможности, однако, субъектом ряда правоотношений он становится как раз в момент своего рождения. Если исходить из того, что человек выступает субъектом правоотношений, на которые возможно направление незаконного

посягательства со стороны правонарушителя, он способен выступать в таких случаях в качестве потерпевшего.

Категория «потерпевший» обычно в теории и на практике используется в процессуальном смысле, поскольку таковым лицо признается в результате деятельности процессуального характера со стороны правоохранительных органов. Имеется легальное закрепление понятия «потерпевший» в двух нормативно-правовых актах: Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Кодексе об административных правонарушениях РФ. Как это следует из ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда» [118]. В ст. 25.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ изложено следующее: «...потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред». Тем не менее, надлежит проводить различие между категориями потерпевшего в контексте их материально-правового и процессуального значения [119].

В материально-правовом контексте человек проявляет себя как потерпевший не в тот момент, в который его признают таковым в установленном процессуальном порядке, а в момент совершения в отношении него правонарушения. Такой вывод можно сделать, если остановить свое внимание на сравнительно-правовом анализе правонарушителя как лица, выступающего как участник правоотношения, складывающегося по поводу юридической ответственности. Правонарушитель в таком плане появляется тогда, когда он совершает противоправное виновное деяние, и не имеет значения факт, имеют ли место быть какие-либо санкции в отношении него. В тот момент, как

правонарушитель совершает незаконное деяние возникает правоотношение по поводу юридической ответственности [116 и др.]. В пределах данного правоотношения нарушитель права несет обязанность претерпевания ряда негативных последствий, проистекающих из нарушения норм права как юридического факта, а соответствующий компетентный правоохранительный орган обладает и правом, и обязанностью к принуждению нарушителя претерпеть ряд этих самых последствий в виде некоторого количества ограничений правового характера. Но в таком случае субъекта правонарушения делает нарушителем права не само решение такого органа, а исключительно он само посредством своих же противоправных деяний. По данному поводу можно привести мнение Д.В. Булгакова, который справедливо заметил, что «обязанность лица претерпевать уголовную ответственность возникает в момент совершения правонарушения» [120, с. 29]. Посредством названного решения компетентного правоохранительного органа происходит лишь оформление правового статуса правонарушителя и констатируется факт того, что тот или иной субъект выступает таковым. Здесь стоит отметить, что в современной юридической научной литературе есть ряд спорных вопросов относительно момента возникновения правонарушения, однако детальный их анализ и разрешение не выступают целями или задачами настоящего исследования [см. 121]. Таким образом, в рамках озвученной позиции правонарушитель выступает участником правоотношения юридической ответственности материально-правового характера, в то время как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный являются участниками процессуально-правовых отношений. Тем не менее, надлежит помнить, что процессуально-правовые отношения, во-первых, производны по своей сути от материально-правовых, а во-вторых, имеют непосредственную направленность на развитие этих материально-правовых отношений. В связи со сказанным, в научной литературе абсолютно верно утверждается, что «процессуальный статус потерпевшего является производным от его материально- правового статуса» [120, с. 31]. Резюмируя,

потерпевшим выступает лицо, претерпевающее реальное нанесение вреда со стороны правонарушителя: морального, физического или имущественного. Тут стоит отметить, что в научной литературе авторами выделяются и иные виды и формы вреда, как, например, вред восполнимый и невосполнимый, явный и скрытый, явный и длящийся [122]. Из изложенного выше логичным образом проистекает тот факт, что потерпевший становится таковым до момента признания его статуса со стороны компетентных правоохранительных органов в установленном порядке.

Лицо, пострадавшее от незаконного деяния правонарушителя, на самом деле претерпевает негативное последствие такого деяния, а, если быть совсем точными, претерпело, но не в тот момент, когда это этот факт был признан компетентными правоохранительными органами, а тогда, когда было совершено само такое деяние. Общеизвестным является тот факт, что общая правоспособность лица появляется в момент его рождения и завершается с наступлением его смерти (ч. 2 ст. 17 ГК РФ) [123]. Как раз по названной причине всякое лицо может выступать в качестве потерпевшего, исключая влияние таких факторов и свойств как его биологический возраст, физическое или психическое состояние или каких-либо иных. «Претерпевать» же, как следствие из изложенного, от совершенного незаконного деяния в состоянии каждый, исключая влияние на это факторов от возраста и его вменяемости. Совсем другой вопрос состоит в том, что по своей собственной инициативе отстаивать принадлежащие ему по праву рождения субъективные права и обязанности подобное лицо до достижения им определенного в законодательстве возраста не может. В силу этого уголовно-процессуальное закон законодательство предписывает необходимость присутствия законного представителя малолетнего либо невменяемого лица, пострадавшего от преступного деяния. Но в контексте рассмотрения данного вопроса в материально-правовой плоскости подобное лицо может и должно считаться потерпевшим от такого деяния [120]. Подобным образом такая проблема разрешается и в законодательстве других государств. Уголовное право

Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии содержит положения о том, что потерпевший от преступления должен рассматриваться как субъект материально-правового отношения юридической ответственности, обладающий рядом прав, которым корреспондируют субъективные обязанности преступника [124, 125]. Потерпевшему в Соединенных Штатах Америки не требуется отдельного признания в процессуальном порядке. Исходя из этого факта, рядом авторов была высказана позиция о наличии презумпции причинения вреда жертве преступления в законодательстве Соединенных Штатов Америки [126]. В российской юридической науке к подобному выводу пришли специалисты как в сфере уголовного, так и в сфере административного права [58, 120, 127, 128 и др.]. В незаконных посягательствах правонарушителя на отдельную личность в науке и практике права не выделяют предмета правонарушения. Каждый отдельный индивидуум, с позиции авторов, выступает участником ряда общественных отношений, но, при этом, его никак невозможно отождествить с вещью. Таким образом, человек, претерпевающий последствия незаконного посягательства, считается потерпевшим. Безусловно, термин «потерпевший» присущ в большей степени сфере уголовно-процессуального права, но мы полагаем возможным использовать его и в сфере уголовного права. Резюмируя, надлежит проводить различие между понятием потерпевшего в контексте материально-правовой сферы как субъекта нарушенного правового отношения и понятие потерпевшего в процессуально-правовом смысле как стороны процессуального правоотношения. В контексте материально-правовой сферы потерпевший возникает в момент совершения незаконного посягательства правонарушителя, а в контексте процессуально-правовой – в момент его признания таковым компетентными правоохранительными органами. Таким образом, понятие «потерпевший» в указанных выше смыслах не тождественны по моменту их происхождения и реальности причинения вреда. Подобным образом, несовершеннолетний субъект правоотношения

или по иным весомым причинам не в полной мере дееспособное лицо, которое претерпевает последствия незаконного посягательства со стороны правонарушителя, реализует имеющиеся у него субъективные права не по своей воле и инициативе, а посредством своих представителей.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса РФ, не содержится и не используется термин «потерпевший». Тем не менее, косвенным образом, как мы считаем, оно находит свое воплощение в термине «истец». Как это следует из положений Гражданского процессуального кодекса РФ, «истцом признается лицо, в чьих интересах (по иску кого) начато судебное разбирательство» [129]. В качестве истца может выступать и физическое, и юридическое лицо. Тем не менее, «истец» – понятие из процессуально-правовой сферы, а «потерпевший» – понятие, которое может использоваться как в сфере материального, так и в сфере процессуального права. Более того, стоит отметить, что если в рамках уголовного процесса подобное лицо может называться потерпевшим, то в рамках гражданского – истцом. Тем не менее, субъект может выступать как потерпевший вне зависимости от правовой сфер совершенного в отношении него правонарушения – и уголовной, и гражданской. Таким образом, его процессуальный статус напрямую проистекает от материально-правового статуса.

Если говорить о проблеме соотношения категорий потерпевший и предмет правонарушения, то необходимо отметить, что в научной литературе сегодня есть несколько позиций по данному вопросу. Например, Н.И. Коржанский в рамках одного из своих исследований прямо утверждает, что «человек как живое биологическое существо, человек в своем природном существе может выступать в качестве предмета преступления» [130, с. 133]. Некоторые авторы занимают позицию, согласно которой потерпевший выступает как «очеловеченный» предмет преступления, который не называется таковым лишь из этических соображений» [131, с. 48]. Некоторые ученые считают, что фигура потерпевшего, когда он является физическим

лицом как участник некоторых общественных отношений, находящихся под защитой действующего уголовного закона, является прямым и непосредственным предметом преступного посягательства во множестве преступных деяний, направленных против отдельной личности [132, 133]. Иные теоретики в рамках современной юридической науки полагают, что «человек-личность как таковая ... может выступать в качестве предмета, а не объекта преступления» [134, с. 190]. Г.П. Новоселов в одной из своих работ, не видя противоречий и проблем в довольно близком к рассматриваемому вопросе, пишет, что «люди и их общности являются объектом правонарушения» [135, с. 120].

Мы полагаем, что ни отдельного индивидуума, ни их групповые общности, в частности, юридические лица, невозможно считать предметом правонарушения, поскольку индивидуум выступает не предметом, а субъектом правоотношения. Помимо прочего, например, юридическое лицо – это некая правовая фикция, абстрактная юридическая конструкция. Таким образом, возникает вопрос – возможно ли признать абстрактную конструкцию предметом? Безусловно, нет, как мы считаем. Признание отдельного индивидуума предметом правонарушения в корне не согласуется с концепцией структуры правоотношения и занижает биологическую и личностную ценность человека в целом. Помимо прочего, подобная позиция при ее доминировании не отличалась бы универсальностью и всеобщностью, поскольку из нашего поля зрения выпала бы такая разновидность субъектов, правоотношения как юридические лица.

Крайне специфическую позицию излагает Л.Д. Гаухман, объединяющий в одном понятии одновременно два явления – предмет правонарушения (в самом широком смысле его понимания) – два факультативных признака объекта правонарушения – предмет правонарушения как предмет неодушевленный и материальный и предмет правонарушения как индивидуум (то есть потерпевший от незаконного посягательства), но в контексте уголовно-правового смысла изложенных категорий. Более того,

«потерпевший как предмет отличается от предмета как вещи в том числе и характером деятельности человека» [136, с. 23], что ведет нас лишь к понятийной путанице и сопоставлению разных элементов правоотношения.

Потерпевшего как субъекта правоотношения невозможно с логической точки зрения отождествить с предметом правонарушения. Хотя бы по той причине, что эти категории различны по своему внутреннему наполнению. Предмет правонарушения – это то, на что направленно непосредственное негативное влияние от незаконного посягательства правонарушителя, потерпевший же – субъект, участник правоотношения, физическое или юридическое лицо. Исходя из изложенного в настоящем параграфе очевидна мысль, что ряд правонарушений, безусловно, мы можем охарактеризовать тем, что через посягательство на потерпевшего от незаконного деяния правонарушителя причиняется вред ряду иных значимых внутренних элементов правового отношения, а уже через такое, в свою очередь, что довольно логично, следует причинение происходит нанесение вреда совокупности элементов, мы обнаруживаем дестабилизацию отношения.

В действующем законодательстве Российской Федерации разными способами описываются биологические признаки индивидуума: женщина, мужчина. В иных случаях определяются исключительно социальные признаки индивидуума, его статус в системе общественных отношений («государственный деятель, представитель власти, прокурор, судья, гражданин, автор, предприниматель, руководитель предприятия и т.д.», [30, с. 160]). В некоторых случаях государство через правовые нормы уделяет особое внимание состоянию потерпевшего («беспомощное, опасное для жизни» [30, с. 160]). Перечисленные свойства, характеризующие индивидуума, безусловно, в то же время имеют отношение и к характеристике предмета посягательства, но, тем не менее, подобное не ведет нас к отождествлению предмета правонарушения и потерпевшего.

Таким образом, подводя итог настоящему параграфу, отметим следующее. Категория потерпевшего имеет определенную двойственность.

Во-первых, выступая понятием материально-правовой сферы, а, во-вторых, – процессуально-правовой. В контексте материального права фигура потерпевшего возникает в момент совершения правонарушителем незаконного посягательства, а в процессуальном праве – в момент признания потерпевшего таковым со стороны компетентных правоохранительных органов. В значении, придаваемом потерпевшему, в рамках материального права он выступает физическим или юридическим лицом, претерпевающим негативные последствия совершения правонарушения. В рамках процессуального права он же является лицом, признанным и обладающим процессуальным статусом потерпевшего с набором процессуальных прав и обязанностей. Поскольку процессуальные правоотношения проистекают от правоотношений материальных, то и процессуальная составляющая статуса потерпевшего проистекает из его материального статуса.

Предметом правонарушения выступают элементы материи, находящейся под правовой охраной, через негативное воздействие на которые причиняется вред общественным отношениям, а потерпевший – это элемент правоотношения, не могущий, с нашей точки зрения, выступать ни объектом правоотношения, ни его предметом. Через посягательство на потерпевшего правонарушителем причиняется вред общественному отношению в целом.

Выводы из главы. В качестве вывода из первого параграфа настоящей главы мы должны признать тот факт, что современная юридическая наука не имеет единой концепции и системы взглядов на предмет правонарушения. Несмотря на то, что в авторской среде превалирует точка зрения, из которой следует, что под предметом правонарушения мы должны понимать и как материальные явления, и как нематериальные, в современной литературе мы можем обнаружить позиции, авторы которых придерживаются мнения о том, что под предметом правонарушения необходимо понимать только и исключительно элементы овеществленной материи, части объективной реальности, имеющие свое материальное выражение. Помимо прочего, в современных юридической и философской науках превалирует позиция

авторов, полагающих что любая человеческая деятельность безо всяких исключений носит предметный характер – имеет предмет, на который направлена такая деятельность, что не дает нам в рамках юридической науки такой возможности, что позволила бы нам разделять взгляды, согласно которым предмет правонарушения есть нечто материальное, поскольку в таком случае мы будем вынуждены решать проблему существования беспредметных правонарушений, что противоречило бы изложенной выше позиции.

Если говорить о признаках предмета правонарушения, то из множества авторских позиций, практики правоприменения и теории правонарушения в целом мы можем выделить следующие, характеризующие предмет правонарушения качества:

- обусловленность существования предмета правовой нормой;
- правовая охрана предмета правонарушения;
- часть материи любого рода (материальной и нет);
- элемент общественного отношения (в том числе, правоотношения);
- проводник вреда на само общественное отношение в целом.

Приведенные выше сущностные признаки явления предмета правонарушения позволяют нам представить свое определение данной правовой категории. Предметом правонарушения, как мы полагаем в качестве одного из выводов настоящего исследования, выступают части (элементы) материи любой природы (овеществленной и не овеществленной; материальной и нематериальной), находящиеся под правовой охраной и выступающие элементом общественного отношения, через воздействие на которые причиняется вред общественному отношению в целом.

В качестве вывода из исследования места предмета правонарушения в составе правонарушения, мы считаем, что было бы целесообразным понимать место предмета правонарушения в группе признаков состава правонарушения, характеризующих его объективную сторону.

Исследование о соотношении предмета и объекта правонарушения привело нас к следующему ряду методологических моментов, которые, как мы полагаем, имеют непосредственное влияние на грамотное разрешение рассмотренной проблемы:

– в ходе совершения правонарушения субъект оказывает непосредственное воздействие на предмет правонарушения, но какой-либо вред или ущерб предмету правового нарушения наносится правонарушителем не во всех возможных ситуациях;

– воздействие правонарушителем на предмет его незаконного посягательства есть фактор оказания негативного воздействия на общественное отношение в общем и целом;

– в качестве предмета правового нарушения может выступать любой из его структурных элементов, за исключением, очевидно, его субъектов.

Таким образом, резюмируя вышесказанное в настоящем параграфе, мы в ходе исследования пришли к определенному выводу о том, что предмет правонарушения имеет двойственную природу: одновременно выступает и признаком правонарушения, и элементом правонарушения. В различных ситуациях под предметом правонарушения мы можем понимать одну из следующих категорий: объект отношения (объект именно общественного отношения, но не объект правонарушения), связи социального характера, непосредственные действия сторон отношения.

Помимо прочего, в вопросе о соотношении предмета правонарушения и потерпевшего мы пришли к выводу, заключающемуся в том, что предметом правонарушения выступают элементы материи, находящейся под правовой охраной, через негативное воздействие на которые причиняется вред общественным отношениям, а потерпевший – это элемент правоотношения, не могущий, с нашей точки зрения, выступать ни объектом правоотношения, ни его предметом. Через посягательство на потерпевшего правонарушителем причиняется вред общественному отношению в целом.

3. Виды предметов правонарушения

3.1. Предмет правонарушения в материальном праве

Виды предметов правонарушения в сфере материального права традиционно рассматриваются административно-правовой и, в особенности, уголовно-правовой наукой. Более того, полагаем, что вопрос классификации предметов правонарушения в рамках материального права наиболее подробным и достаточным образом на данный момент проработан, что в большей степени избавляет нас от необходимости разработки собственной классификации, однако, считаем необходимым, абстрагироваться от специфики административно-правовой и уголовно-правовой наук и рассмотреть данный вопрос в рамках общей теории права.

Напомним, что ранее, в параграфе 2.1. настоящей работы вопрос классификации предметов правонарушения уже рассматривался, однако это рассмотрение было довольно поверхностным и скорее прикладным к основному вопросу, которому был посвящен тот параграф. Необходимо более подробное и детальное изучение данного вопроса.

В параграфе 2.1. настоящей работы приводились следующие классификации предметов правонарушения.

Первым признаком и основанием, на основании которого происходила дифференциация предметов правонарушения являлся признак наличия или отсутствия вещественного характера, в силу чего предметы правонарушения делились на материальные и нематериальные.

Нематериальные предметы правонарушения, в свою очередь, подразделялись на имеющие отношение к правовому полю, среди которых мы назвали совокупность субъективных прав и обязанностей, блага, охраняемые правом, а также интересы личности, общества и государства. Среди не относимых к правовому полю предметов были выделены информация и объекты интеллектуальной собственности.

Была приведена еще одна классификация предметов правонарушения по основанию их отраслевой принадлежности или по основанию предмета правового регулирования или правовой охраны. Такая классификация предметов правонарушения включает в себя следующие группы: гражданские, уголовные, административные, конституционные и иные.

По основанию положения предмета правонарушения в составе правонарушения были названы основные предметы, включенные в основной состав правонарушения, квалифицирующие – оказывающие влияние на формирование квалифицированного состава правонарушения, и, если мы так можем выразиться, санкционные – имеющие значение для определения надлежащего наказания за совершение правонарушения.

Приведенная классификация позволяет системно и структурно расположить имеющиеся виды предметов правонарушения, и в силу своей гибкости позволяет дополнять и расширять классификацию в ходе появления новых видов предметов правонарушения, что обусловлено продолжающимся прогрессом в развитии науки и общества.

Тем не менее, некоторые авторы пошли ещё дальше в вопросе классификации предметов правонарушения. И такие авторы, что не удивительно в силу ранее сказанного, проводили свои исследования в рамках отраслевых юридических наук. Тем не менее, учитывая общий характер права и используя надлежащую степень абстрагирования от специфики отраслевых юридических наук мы можем рассмотреть предложенные авторами классификации для наиболее полного понимания вектора развития научной мысли в теории правонарушения и его предмета.

Один из авторов полагает, как он делает выводы в одной из своих работ, что нам в ходе исследований, а также практической деятельности, надлежит проводить по их социально-экономической природе, то есть, очевидно, по таким значимым критериям как социальная роль предмета правового нарушения, его предназначение, имеющаяся у него ценность, особенности происхождения (например, относящиеся к естественной природе

происхождения земля, ее недра, воздух, вода, животный и растительный мир и др, а также предметы, созданным трудом человека, предметы потребления, произведения материальной и духовной культуры и др.)». В своем диссертационном исследовании он делит предметы правонарушения на следующие группы:

- все вещи, что можно охарактеризовать словом «имущество»;
- информация и объекты интеллектуальной собственности;
- объекты окружающей среды;
- «порядок ведения официальной документации и государственные символы Российской Федерации»;
- предметы и вещества, противоправное воздействие на которые создает угрозу причинения вреда общественной безопасности, здоровью населения и общественной нравственности [137].

Мы полагаем, что такая классификация предметов правонарушения не должна и не может быть принята в общей теории права, поскольку основание данной классификации нам видится довольно смутным, а сама она не разделяет материальных и нематериальных предметов правонарушений. Более того, в одном из пунктов автор поместил в одну группу порядок ведения официальной документации и государственные символы России, что кажется нам нелогичным, поскольку порядок ведения документации ни что иное как алгоритм должного поведения субъекта, а государственные символы – отличительные знаки российского государства, имеющие как материальное, так и нематериальное выражение. Также мы можем заметить, что в определенной степени подобная классификация повторяет структуру Уголовного кодекса РФ.

Бикмурзин М.П. в одной из своих работ, отходя чуть дальше от отталкивания от структурного деления Уголовного кодекса РФ, пишет, что «Первое, и наиболее часто используемое основание деления – это форма существования того или иного предмета. По этому основанию все разнообразие предметов преступления можно разделить на группы: 1) люди;

2) экологические объекты; 3) вещи; 4) информация. Поскольку группа вещей объединяет большое число разновидностей предметов преступления, в ней в свою очередь можно выделить следующие подгруппы: а) документы и средства идентификации; б) транспортные средства; в) иное имущество» [138]. Но и такая классификация в сравнении с приведенной в начале данного параграфа не выдерживает никакого сравнения в плане точности, четкости деления предметов на категории, а также охвата всех возможных разновидностей предмета правонарушения. Например, такая классификация не учитывает деления на материальные и нематериальные предметы правонарушений как первую ступень классификации, что, в свою очередь, мы полагаем довольно важным и необходимым для теории права.

Попробуем обратиться к зарубежной литературе для изучения классификации предметов правонарушения, приводимой иностранными авторами. Стоит отметить, что понятие «предмет правонарушения» в западных правовых системах практически не используется, таким образом, мы попробуем классифицировать предметы правонарушений, исходя из классификации правонарушений в целом, принятой в западных странах.

Один из иностранных авторов приводит следующую классификацию правонарушений в рамках науки уголовного права.

В первую очередь, автор выделяет преступления против личности и отмечает, что часто они считаются наиболее серьезными, и могут включать в себя следующие виды преступлений: убийство, изнасилование, нападение, похищение и насилие со стороны интимного партнера. Каждое из этих преступлений, как отмечает автор, может повлечь за собой различное наказание в зависимости от серьезности преступления. Здесь мы можем прийти к выводу о том, что в эту первую категорию преступлений входят все те, предметом которых, с понимания нашей российской доктрины, мы включаем отдельные качества личности – жизнь, здоровье и прочее. Таким образом, первой группой предметов правонарушения, с позиции западных авторов, мы можем считать личность и её свойства.

Далее автором рассматривается категорий преступлений против собственности, которые широко распространены и считаются менее тяжкими, чем преступления против личности. Преступления против собственности могут включать кражи, кражи со взломом, поджоги и проникновение. Степень ответственности зависит от обстоятельств дела, как отмечает автор. Здесь мы отчетливо можем видеть вторую группу предметов правонарушения – собственность и ее свойства.

Далее приводится группа преступлений против общественного порядка, которые, как замечает автор, не могут причинить вред другим людям или имуществу, но влияют на общественный порядок. В качестве типичных примеров такой группы преступлений могут быть хулиганство, праздное поведение и вождение автомобиля в нетрезвом виде. Жертва (потерпевший) – это общество, а цель противодействия таким преступлениям – поддержание общественного порядка. Здесь очевидным предметом данной группы преступлений выступает общественный порядок.

В отдельную группу преступлений автор включает так называемые «наркопреступления», те, что так или иначе связаны с наркотиками. Казалось бы, такие преступления необходимо включать в группу преступлений против общественного порядка, однако, учитывая особенности Соединенных Штатов Америки, проводимые там «войны с наркотиками», данная группа преступлений для теоретиков и практиков права в США является крайне важной и, с их позиции, заслуживающей отдельного внимания. Некоторыми примерами преступлений, связанных с наркотиками, могут быть хранение запрещенных наркотиков, употребление наркотиков и их продажа [139]. Однако, с учётом ситуации с наркотиками в Российской Федерации, которая не вызывает опасений, мы полагаем возможным игнорировать необходимость выделения отдельной категории предметов правонарушений, связанных с наркотиками, как это является требуемым для реалий США.

Нам представляется интересным рассмотреть классификацию преступлений (и, очевидно, классификацию предметов правонарушений,

несмотря на то, что, как утверждалось ранее, такой подход не совсем научен, однако через изучение и анализ имеющихся взглядов на классификацию преступлений мы можем выработать систему предметов правонарушения в целом в рамках общей теории права, используя логический метод индукции), изложенную в гарвардском учебнике по уголовному праву Восточного Тимора.

Авторы учебника перечисляют следующие виды преступлений:

- против жизни;
- против физической неприкосновенности и личной свободы;
- против права собственности на недвижимое имущество;
- против права собственности на движимое имущество;

Остановимся на каждом из видов подробнее.

В группу преступлений против жизни включаются следующие виды преступлений: различные виды убийства, оставление в опасности, прерывание беременности, пособничество или подстрекательство к самоубийству, а также геноцид, терроризм и военные преступления. Очевидно, что предметом данной группы преступлений выступает человеческая жизнь – в единичном или множественном количестве, рожденного человека или нет. Однако, например, терроризм не всегда имеет предметом жизнь людей. Например, в том случае, если произошел теракт, в результате которого никто не погиб. Таким образом, мы уже можем заметить изъян в классификации преступлений в контексте предмета преступлений.

Во вторую группу преступлений включены все преступления, направленные против физической неприкосновенности и личной свободы. Здесь авторы пишут о том, что преступления против физической неприкосновенности можно разделить на две категории преступлений: физические и нефизические. Физическое преступление обычно происходит, когда преступник в ходе своего деяния наносит вред телу другого человека. Например, нанесение ударов кулаком другому человеку является разновидностью физического преступления, потому что преступник

использует свои силы, чтобы нанести вред телу другого человека. Правонарушения нефизического характера не требуют нанесения вреда телу другого человека. Например, слова могут использоваться для нанесения вреда другому человеку нефизическим способом. В частности, угроза убийством другому человеку – это разновидность нефизического преступления. Далее авторами рассматривается в отдельности каждая из названных категорий.

Авторы приводят следующий пример. Представьте, что ваша лучшая подруга Розелия получила травму, когда возвращалась домой однажды ночью в Викике. На Розелию напал мужчина в маске. Мужчина повалил Розелию на землю, а затем разорвал ее одежду в поисках денег в ее карманах. Когда Розелия кричала о помощи, мужчина дважды ударил ее кулаками по лицу. Пара, идущая по тропинке в нескольких метрах позади них, услышала крик Розелии и побежала ей на помощь. Затем мужчина ударил ее ногой в живот, прежде чем сбежать. Через два дня после нападения вы навещаете Розелию в ее доме. К счастью, она уже выздоравливает. У нее много болезненных синяков на лице и животе, но травмы не постоянные. Какое преступление было совершено против вашей подруги? Розелия стала жертвой жестокого нападения. В некоторых странах это называется побоями. Согласно Уголовному кодексу, было покушение на физическую неприкосновенность Розелии. Помните, пишут авторы учебника, что физическая неприкосновенность означает обязанность не совершать действий, наносящих вред телу или разуму человека. В случае с Розелией, нападавший нарушил это право, когда пинал Розелию и бил ее кулаками. Таким образом, предметом данной подкатегории преступлений против физической неприкосновенности и личной свободы выступают физические свойства личности.

Насилие, пишут авторы, также может быть вызвано нефизическими действиями. Примером серьезной формы нефизического насилия является угроза другому лицу поведением, запрещенным Уголовным кодексом:

преступники часто угрожают жертвам действиями, которые они в конечном итоге намереваются совершить. Например, предположим, что женщина угрожает ударить своего парня камнем, а затем фактически бьет его камнем по руке. Женщину могли обвинить в создании угрозы. Ей также могут быть предъявлены обвинения в простом или серьезном нарушении физической неприкосновенности, в зависимости от серьезности травм ее парня. Хотя эти преступления перечислены в разных главах Уголовного кодекса, важно понимать, что существуют обстоятельства, при которых преступник может быть обвинен в преступлении против физической неприкосновенности и преступлении против личной свободы. Предметом данной подкатегории выступают свойства личной свободы личности.

Интересным выступает тот факт, что авторы учебника делят преступления против собственности на две группы: преступления против права собственности на движимое имущество и преступления против права собственности на недвижимость [140]. Конечно, с одной стороны, преступления, направленные против права собственности на движимое имущество и на недвижимость кажутся абсолютно разными – смартфон можно украсть, но земельный участок можно только занять неправомерным образом. Специфика движимого имущества в том, что его можно «двигать», как бы глупо это не прозвучало. Тем не менее, автомобиль также выступает недвижимым имуществом, но его можно угнать и сменить место его расположения. Интересным было бы узнать мнение авторов о том, в какую из названных категорий они бы отнесли угон автомобиля. Вероятно, их ответом было бы то, что угон является преступлением против права собственности на недвижимое имущество исключительно по формальному признаку – автомобиль есть недвижимость. Однако, мы полагаем, что такое деление крайне нерационально – есть собственность и есть право на неё. Да, правовой режим движимого и недвижимого имущества существенным образом отличаются друг от друга, тем не менее, мы не считаем это достаточным основанием для того, чтобы в рамках теории о правонарушении проводить

между ними различие. Это еще один изъян из классификации, представленной авторами. Здесь также стоит отметить, что авторы не выделяют в отдельную группу преступления против общества и государства, преступления против публичного порядка, что совершенно разумным образом приводит нас к мысли о том, что представленная классификация преступных деяний и, соответственно, классификация предметов правонарушений в рамках уголовного законодательства Восточного Тимора, является крайне неполной, неточной и во многом неоднозначной, что не позволяет кому бы то ни было использовать ее в рамках своих теоретических исследований.

Не менее интересная классификация преступлений предлагается в одном из курсов, посвященных социальным проблемам. Авторы данного курса выделяют пять основных видов преступлений:

- насильственные преступления;
- имущественные преступления;
- преступления «белых воротничков»;
- организованная преступность;
- консенсуальные преступления [141].

Очевидно, что первые две группы преступлений выделены как раз по предметному признаку: насильственные направлены против личности и ее свойств, имущественные, соответственно, против собственности и ее свойств. Следующие две категории преступлений – организованная преступность и преступления «белых воротничков» выделены по особенностям субъекта преступного деяния, а консенсуальные же выделяются по особенности деяния, совершаемого преступником. Таким образом, и эта классификация не может быть перенята для системной дифференциации предметов правонарушений.

Таким образом, необходимо отметить, что имеющиеся в отраслевой научной юридической литературе классификации предметов правонарушения страдают от того, что берут за основу структуру нормативных правовых

актов, к отраслевой принадлежности которых и относятся приведенные исследования. Такое считаем недопустимым, поскольку, во-первых, не теория следует за практикой, а практика за теорией, во-вторых, дефекты правового регулирования и постоянное изменение нормативных правовых актов приводит нас к нестабильности приведенных концепций, основанных на структуре таких актов, а, в-третьих, классификация предметов правонарушения должна проистекать не из воли и «удобства» законодателя, поместившего их в тот или иной раздел кодекса, а из внутренней сущности, признаков и структурных особенностей классифицируемого явления. Либо представленные классификации являются неполными и не учитывают определенных особенностей и качеств предметов правонарушения.

Тем не менее, вопрос классификации предметов правонарушения, как утверждалось выше, уже рассмотрен в юридической литературе. Однако, такие классификации не учитывали особенностей процессуального права, на которых мы хотим остановиться в следующем параграфе настоящей работы, рассмотрев сущность и признаки правонарушений, совершенных участниками юридического процесса как в контексте общей теории права, так и с учетом специфики отраслевых юридических наук.

3.2. Предмет правонарушения в процессуальном праве

В рамках настоящего параграфа попробуем разобраться с аспектами предмета правонарушения в процессуально-правовой сфере, которые, к сожалению, традиционно игнорируются авторами в современной научной литературе. Особую актуальность данный вопрос принимает, если обратить свое внимание на то, что совершение процессуальных правонарушений является одним из существенных факторов, оказывающих влияние на реализацию концепции доступности правосудия [142], которая с недавних пор занимает в отечественной правовой доктрине место самостоятельного процессуального принципа права [143].

Обратимся к исследованию процессуальной ответственности, проведенном Е.В. Чукловой. В своей работе она пишет: «процессуальную ответственность как целостное правовое явление, включающее в себя позитивный и негативный аспекты, характеризуют следующие признаки: она обладает формальным (норма процессуальной ответственности) и фактическим (процессуальное правонарушение) основанием»; «от иных видов юридической ответственности процессуальную ответственность отличают следующие характеристики: сфера применения – юридический процесс; субъектный состав – участники различных видов юридического процесса; формальная основа – нормы процессуального права; фактическое основание – процессуальное правонарушение; особый порядок реализации; применяется на основе особой разновидности актов применения процессуальной ответственности»; «процессуальное правонарушение – это виновно совершенное, общественно опасное деяние, совершенное деликтоспособным субъектом процессуальных отношений, за совершение которого предусмотрена процессуальная ответственность. Злоупотребление процессуальными правами является разновидностью процессуального правонарушения. Процессуальное правонарушение отличает от других

разновидностей правонарушений: особый объект посягательства – процессуальные правоотношения; специальный субъект – участник процессуальных правоотношений; исключительная формальность составов процессуальных правонарушений; специфика противоправности» [144, с. 9-10]. Данная позиция представляется нам довольно логичной и обоснованной.

Д.А. Липинский и Е.В. Чуклова в одном из зарубежных журналов опубликовали исследование о понятии и характеристике процессуального правонарушения. Из их работы следует, что понятие процессуального правонарушения должно включать характеристику вины. С их позиции, процессуальным правонарушением является противоправное, виновно совершенное общественно опасное деяние, совершенное субъектом, обладающим качеством деликтоспособности, и за совершение такого деяния предусмотрена процессуальная ответственность [145].

Из еще одного зарубежного источника следует, что под процессуальными правонарушениями надлежит считать одну из форм противоправного поведения в сфере уголовного судопроизводства, выраженную в действии или бездействии, а также системе действий участника уголовного судопроизводства, нарушающие требования и принципы уголовно-процессуального закона. Такие правонарушения могут быть «чисто процессуальными», то есть, влекущими только процессуальную ответственность, а также «комплексными» – имеющими в качестве санкции меры материально-правовой ответственности [146].

В.И. Аханов, рассуждая о признаках процессуальной ответственности, указывал следующее: «процессуальное правонарушение является нарушением установленного процессуальными нормами урегулированного порядка совершения юридически значимой деятельности». В данном признаке автор выделил два аспекта – деятельный и нормативный. Деятельный заключается в том, по мнению автора, что субъект процессуального правонарушения «посягает на урегулированный порядок совершения юридически значимой деятельности», а нормативный в том, что

в результате такого правонарушения нарушаются процессуальные нормы [147, с. 188]. Такая позиция не противоречит ранее изложенному мнению Е.В. Чукловой.

Обратимся к работе еще одного автора, который полагает, что «уголовно-процессуальным правонарушением понимается совершенное умышленно или по неосторожности нарушение предписаний уголовно-процессуального законодательства одними участниками уголовного судопроизводства, повлекшее существенное нарушение законности и (или) прав и свобод других участников уголовного судопроизводства и влекущее предусмотренную законом ответственность» [148, с. 100].

Помимо общеправовых исследований и исследований в рамках уголовно-правовой и административно-правовой наук в современной юридической литературе можно обнаружить и исследования процессуальных правонарушений, проведенных в рамках и в контексте гражданского судопроизводства.

Н.А. Чечина в одной из своих работ пришла к выводу о том, что под гражданским процессуальным правонарушением надлежит понимать нарушение положений гражданской процессуальной нормы, которое было совершено участником гражданского судопроизводства в виде осознанного им нарушения возложенных на него процессуальных обязанностей [149].

Другой автор, В.В. Ярков, отмечал тот факт, что действия правонарушителя, противоречащие положениям гражданского процессуального законодательства, это ни что иное, как «дефектные юридические факты», среди которых на практике чаще всего случаются ошибки судьи [150]. Однако, ранее в настоящей работе мы рассматривали вопрос о соотношении таких явлений как правонарушение и юридическая ошибка. Если мы вспомним выводы, полученные в рамках рассмотрения вопроса о соотношении названных категорий, то станет очевидным тот факт, что подобная позиция ученого не может быть нами принята, поскольку бы

она противоречила доминирующим в современной научной литературе взглядам и убеждениям авторов.

Коллектив авторов учебника по гражданскому процессуальному праву России излагает свое мнение, согласно которому, понятие гражданского процессуального правонарушения необходимо раскрывать и понимать с учетом достижений методологического и научного характера, содержащихся как в общей теории права, так и в рамках отраслевой науки гражданского процессуального права. Среди их числа они называют следующие признаки гражданского процессуального правонарушения:

– противоправность, которая говорит о том, что в фундаменте правонарушения в гражданском судопроизводстве находится нарушение требований, изложенных в положениях гражданского процессуального закона Российской Федерации; здесь необходимо отметить тот факт, что по мнению некоторых ученых, основой правонарушения в гражданско-процессуальной сфере выступает не нарушение гражданского процессуального законодательства, а неисполнение участником гражданского судопроизводства юридической обязанности, возложенной на него положениями этого закона [151]; другой автор объединяет мнения коллектива авторов учебника и упомянутого ранее ученого в едином консенсусе – гражданским процессуальным правонарушением выступает нарушение участником гражданского судопроизводства норм гражданского процессуального законодательства, что возлагает на него определенный ряд прав и обязанностей процессуального характера [152]; таким образом, можно сделать вывод о том, что признак противоправности гражданского процессуального правонарушения выражается в том, что субъектом такого правонарушения нарушаются положения предписывающих или запрещающих гражданских процессуальных норм, что, в свою очередь, ведет нас к выводу о том, что таким субъектом не исполняются или ненадлежащим образом исполняются субъективные обязанности гражданско-процессуального характера;

– вредоносность рассматриваемого в настоящей работе вида правонарушений, которая проявляется в ряде отрицательных последствий организационного, идеологического, личного или же экономического характера, распространяющих свое негативное воздействие на участников гражданского судопроизводства либо же на суд в целом. К примеру, авторы приводят следующие ситуации: отказ в предоставлении гражданином или организацией требуемых у них судом документов или информации, имеющих доказательное значение, затрудняет в конечном итоге рассмотрение гражданского дела; имеет негативные последствия для авторитета судебной власти; также имеет следствие в виде увеличения процессуальных издержек, проистекающее из увеличения сроков рассмотрения гражданского дела в суде; вызывает у сторон процесса и общества в целом определенное разочарование и недоверие к российскому правосудию, и так далее;

– принуждение посредством мер государственного воздействия, которое применяется за совершенное правонарушителем нарушение норм гражданского процессуального права и также выражено в виде мер процессуального принуждения, которые, помимо прочего, обладают некоторой степенью качеств репрессивного характера, соразмерных объему ущерба, что был причинен совершением такого правонарушения;

– гражданское процессуальное правонарушение выступает деянием – действием или бездействием, которые, в свою очередь, как это следует из общепринятой в научной литературе трактовке правонарушения в целом совершается лицом виновно в форме умысла и (или) неосторожности [153].

Крайне интересный и вызывающий необходимость обсуждения подход к пониманию правонарушения в сфере гражданского процессуального права был высказан небезызвестным автором М.Л. Гальпериным в одной из его работ, где он утверждал, что объективная сторона правонарушений в гражданско-процессуальной сфере может быть охарактеризована неисполнением имеющейся на участнике процесса юридической обязанности (в данном случае – гражданско-процессуальной обязанности), которая была

возложена на него неким судебным актом или судебным распоряжением, основанными на положениях гражданского процессуального права. Из этого названный автор делает вывод о том, что любое гражданское процессуальное правонарушение может быть сведено к пониманию его только и исключительно как неуважение субъектом правонарушения суда, выраженное в игнорировании изложенных им требований, что и есть единственное и достаточное основание для привлечения означенного правонарушителя к установленной законом юридической ответственности через наложение на него процессуальных санкций, при этом, автор не видит ни малейшей необходимости в том, чтобы закрепить такие правонарушения отдельным составом, что и обуславливается ранее сказанным [154]. Мы, безусловно, вправе выразить свое согласие с означенной позицией в том плане, что в широком смысле любое правонарушение процессуального характера посягает на интересы правосудия в целом, и в этом понимании мы можем расценить его как проявление правонарушителем неуважения к правосудию, суду, тем не менее подобный юридический состав, как «неуважение к суду», вопреки отсутствию какого-либо в достаточной степени внятного описания его юридического характера и признаков в Гражданском и Арбитражном процессуальных кодексах, невозможно автоматом распространить на все абсолютно все ситуации, характеризуемые неисполнением субъектом возложенных на него процессуальных обязанностей; «неуважение к суду» в данном случае должно подчеркивать некий цинизм, брошенный правосудию вызов и полное пренебрежение правонарушителем законных и обоснованных требований суда. Соединение в единое множество всех процессуальных правонарушений под термином «неуважение к суду» не даст нам возможности провести надлежащую дифференциацию юридической ответственности за такие правонарушения, находящейся в непосредственной зависимости от обстоятельств, при которых данное гражданское процессуальное правонарушение было совершено.

Иные авторы занимают во многом схожую позицию с озвученными выше. Анализируя представленные мнения ученых в контексте рассматриваемой в настоящем параграфе темы, мы можем сделать вывод о том, что, учитывая определение предмета правонарушения, а это, напомним, материя любого рода, находящаяся под правовой охраной, на которую направлено незаконное посягательство, а также тот факт, что ученые единодушны в понимании одного из признаков процессуального правонарушения как нарушение установленного процессуальными нормами порядка совершения юридически значимых действий, мы можем сделать следующие выводы.

Предметом процессуальных правонарушений выступает порядок совершения юридически значимых действий, поскольку именно на него направлено незаконное посягательство правонарушителя. Объектом правонарушения, совершенного в рамках юридического процесса, выступают права и законные интересы участников того процесса, порядок которого был нарушен в ходе процессуального правонарушения.

Несмотря на относительную легкость в достижении цели познания предмета правонарушения в рамках процессуально-правовой сферы, данный вывод имеет определенную степень важности. Во-первых, современная литература не содержит в себе определения понятия процессуального правонарушения, что, в свою очередь, обуславливало необходимость его поиска. Во-вторых, понимание предмета процессуального правонарушения в общеправовой теории позволит более полно и точно применить данную концепцию в отраслевых юридических науках, а после – и на практике правоприменения. Зная предмет незаконного посягательства, понимая, на что направлено деяние правонарушителя, мы можем более ясно понимать меры противодействия данным правонарушениям. В рассматриваемых случаях, именно порядок совершения юридически значимых действий необходимо оградить от незаконного посягательства правонарушителя. Вопрос о мерах

противодействия процессуальным правонарушениям в настоящей работе не ставился, однако, полагаем, что определенное содействие было оказано.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, повторим, что предметом процессуального правонарушения выступает установленный процессуальными нормами порядок совершения юридически значимых действий. Учитывая тот факт, что процессуальные правонарушения – весьма узкая и специфическая категория правонарушений, возможных исключительно в рамках юридического процесса, полагаем, что иных видов предметов означенной категории правонарушений быть не может.

Таким образом, нами были исследованы все вопросы, поставленные в задачах, изложенных во введении к настоящей работе. Полагаем, что эти задачи выполнены в полном объеме, а цель, поставленная перед настоящим исследованием, достигнута. Теперь необходимо подвести итоги проведенному исследованию, озвучить полученные выводы и оценить перспективы как дальнейших теоретических исследований предмета правонарушения и правонарушения в целом, так и возможные пути практического применения полученных в ходе исследования выводов.

Выводы из главы. В первую очередь, подводя итоги настоящей главе, необходимо сказать, что имеющиеся в отраслевой научной юридической литературе классификации предметов правонарушения страдают от того, что берут за основу структуру нормативных правовых актов, к отраслевой принадлежности которых и относятся приведенные исследования. Такое считаем недопустимым, поскольку, во-первых, не теория следует за практикой, а практика за теорией, во-вторых, дефекты правового регулирования и постоянное изменение нормативных правовых актов приводит нас к нестабильности приведенных концепций, основанных на структуре таких актов, а, в-третьих, классификация предметов правонарушения должна проистекать не из воли и «удобства» законодателя, поместившего их в тот или иной раздел кодекса, а из внутренней сущности, признаков и структурных особенностей классифицируемого явления. Либо

представленные классификации являются неполными и не учитывают определенных особенностей и качеств предметов правонарушения.

Классификация предметов правонарушения в материально-правовом контексте выглядит следующим образом. В первую очередь, предметы правонарушения по признаку «овеществленности» делятся на две крупные категории – материальные и нематериальные предметы правонарушения. Вторые, в свою очередь, подразделяются на те, что имеют отношение к правовому полю, и те, что нет. Также предметы правонарушения по основанию предмета правового регулирования могут быть классифицированы по отраслевому признаку. Помимо прочего, по основанию их места в составе правонарушения они могут быть основными, квалифицирующими и санкционными.

Предметом процессуального правонарушения выступает установленный процессуальными нормами порядок совершения юридически значимых действий. Учитывая тот факт, что процессуальные правонарушения – весьма узкая и специфическая категория правонарушений, возможных исключительно в рамках юридического процесса, полагаем, что иных видов предметов означенной категории правонарушений быть не может.

Заключение

Несмотря на проведенное нами исследование проблематика отсутствия в общей теории права фундаментальных исследований о предмете правонарушения, его признаках, месте в составе правонарушения и связи со смежными правовыми явлениями остается по-прежнему острой. Одним исследованием невозможно решить какую-либо научную проблему, поскольку истина достигается лишь в консенсусе между мнениями многих авторов-исследователей определенной проблемы.

Тем не менее, проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно рассмотренных вопросов и проблем.

Во-первых, рассуждая о понятии правонарушения, необходимо отметить, что имеется единое понимание данной научной и практической категории в юридической литературе, под которой авторы понимают «виновное, противоправное деяние деликтоспособного лица, наносящее вред обществу, характеризующееся опасностью, влекущее за собой юридическую ответственность». Изложенное определение объединяет выявленную учеными совокупность признаков, присущих явлению правонарушения.

Во-вторых, говоря о взаимосвязи правонарушения с иными категориями, нужно сказать следующее:

– несмотря на разницу в сущностном наполнении правонарушения и правовых ошибок, мы вынуждены указать на факт наличия юридических последствий совершения правовых ошибок;

– злоупотребление правом может и должно признаваться как правонарушение, но только лишь в тех случаях, когда такое прямо оговорено в положениях действующего законодательства;

– категорию правонарушения требуется отделять от категорий правовая коллизия и юридический конфликт: правовая коллизия может выступать как фактор возникновения нарушения права, правонарушение же, в свою

очередь, – как фактор возникновения юридического конфликта, так и его непосредственным последствием;

– надлежит полностью разделять явления правонарушения и правовых ограничений, которые могут быть правомерными и неправомерными, а также выступать в качестве мер процессуальной защиты или правового наказания; противоправные, незаконные ограничения надлежит рассматривать как правонарушения.

В-третьих, понятие состава правонарушения имеет высокую ценность и в контексте освоения студентами юридических дисциплин, расширения их правового кругозора, повышения правовой грамотности, формирования правосознания и для определения в ходе практической деятельности важной вещи: присутствуют или нет признаки правонарушения в данном конкретном поведении некоего лица. Современная теория и практика права систематизирует и структурирует признаки состава правонарушения по следующей схеме: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона правонарушения.

В-четвертых, современная научная литература не содержит единой концепции и системы взглядов на предмет правонарушения. Несмотря на то, что доминирует позиция, согласно которой предметом правонарушения может выступать как материальное, так и нематериальное, имеются мнения, согласно которым под предметом правонарушения надлежит понимать исключительно вещи материального характера. Также в науке доминирует позиция, согласно которой любая человеческая деятельность носит предметный характер, что не позволяет нам разделять взгляды, согласно которым предмет правонарушения есть нечто материальное, поскольку в таком случае мы столкнемся с проблемой наличия беспредметных правонарушений, что противоречило бы изложенной выше позиции.

В-пятых, в качестве признаков предмета правонарушения выступают:

- обусловленность правовой нормой;
- правовая охрана;

- часть материи любого рода;
- элемент общественного отношения;
- проводник вреда на само общественное отношение.

На основе приведенных признаков предмета правонарушения мы вывели свое определение данной правовой категории. Предметом правонарушения, с нашей точки зрения, выступают части материи любого рода (овеществленной и не овеществленной), находящиеся под правовой охраной и выступающие элементом общественного отношения, через воздействие на которые причиняется вред общественному отношению в целом.

В-шестых, мы полагаем, что целесообразно рассматривать предмет правонарушения в группе признаков состава правонарушения, характеризующих его объективную сторону.

В-седьмых, рассуждая о соотношении предмета и объекта правонарушения, мы пришли к следующим важным методологическим моментам, влияющим на разрешение данной проблемы:

- в ходе правонарушения оказывается непосредственное воздействие на предмет правонарушения, но вред предмету наносится далеко не во всех случаях;

- воздействие правонарушителем на предмет есть фактор оказания негативного воздействия на общественное отношение в целом;

- в качестве предмета правонарушения может выступать любой из его элементов, кроме его субъектов.

Резюмируя, мы пришли к выводу о том, что предмет правонарушения одновременно выступает и признаком правонарушения, и элементом правонарушения. В различных ситуациях под предметом правонарушения мы можем понимать одну из следующих категорий:

- объект отношения (объект именно общественного отношения, но не объект правонарушения);

- связи социального характера;

- непосредственные действия сторон отношения.

В-восьмых, в вопросе о соотношении предмета правонарушения и потерпевшего мы пришли к выводу, заключающемуся в том, что предметом правонарушения выступают элементы материи, находящейся под правовой охраной, через негативное воздействие на которые причиняется вред общественным отношениям, а потерпевший – это элемент правоотношения, не могущий, с нашей точки зрения, выступать ни объектом правоотношения, ни его предметом. Через посягательство на потерпевшего правонарушителем причиняется вред общественному отношению в целом.

В-девятых, классификация предметов правонарушения в материально-правовом контексте выглядит следующим образом. В первую очередь, предметы правонарушения по признаку «овеществленности» делятся на две крупные категории – материальные и нематериальные предметы правонарушения. Вторые, в свою очередь, подразделяются на те, что имеют отношение к правовому полю, и те, что нет. Также предметы правонарушения по основанию предмета правового регулирования могут быть классифицированы по отраслевому признаку. Помимо прочего, по основанию их места в составе правонарушения они могут быть основными, квалифицирующими и санкционными.

В-десятых, в качестве предмета процессуальных правонарушений необходимо понимать установленный порядок совершения юридически значимых действий. Иных разновидностей предметов процессуальных правонарушений мы не усматриваем в силу узкого и специфического характера самих процессуальных правонарушений.

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, нами была рассмотрена тема о предмете правонарушения в рамках общей теории права, а также была предпринята попытка разработать основы концепций, теории и учения о предмете правонарушения в рамках общеправовой науки. Поскольку современная научная литература характеризуется полным отсутствием каких-либо исследований в рассмотренной сфере, мы считаем, что выводы и результаты проведенной нами работы по разработке теории

предмета правонарушения в рамках общеправовой теории окажутся крайне полезными как для дальнейших исследований в данной сфере, так и для понимания смежных и сопутствующих явлений и категорий в правовой науке – состава правонарушения, его признаков и, безусловно, правонарушения в целом.

В конце хотелось бы повторить о крайне значимом характере изученного правового явления – его верное понимание как в рамках общеправовой теории, так и в рамках теории отраслевых юридических наук позволит наиболее четко, недвусмысленно и доктринально верно применять положения о предмете правонарушения на практике, в том числе и в рамках отраслей, для которых теория предмета правонарушения является одной из ключевых – теории и практике уголовного и административного права.

Список используемой литературы

1. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – М., 2004. – С. 526-527. – 864 с.
2. Васильев А.М. Правовые категории (Методологические аспекты разработки системы категорий теории права) / А.М. Васильев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
3. Кондрат Е.Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия / Е.Н. Кондрат. – М.: Юстицинформ, 2014. – 928 с.
4. Гушин В.З. Гражданско-правовая ответственность / В.З. Гушин // Современное право. – 2014. – N 1. – С. 52 — 57.
5. Исаев И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. – М.: Норма, 2014. – 800 с.
6. Старостина П.В. Принцип non bis in idem в административном и уголовном праве (международноправовые аспекты) / П.В. Старостина // Административное право и процесс. – 2013. – N 4. – С. 67 — 71.
7. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография / П.П. Серков. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 480 с.
8. Бармина О.Н. Злоупотребление правом / отв. ред. В.А. Кодолов. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. – 133 с.
9. Статья 14 «Понятие преступления» / Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.03.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43b57d6c014e99070854acf76d1627ac9a184239/ (дата обращения 06.03.2021).

10. Статья 2.1 «Административное правонарушение» / Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f214c94ac8d077460330dbe4ab3d6677b3635a79/ (дата обращения 06.03.2021).

11. Статья 106 «Понятие налогового правонарушения» / Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 года N 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/83f5f8397c7d637f4dab0ad0f35774df388924b2/ (дата обращения 06.03.2021).

12. Статья 192 «Дисциплинарные взыскания» / Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/3a3bad3e8cac339021393236fd85d5a46a357735/ (дата обращения 06.03.2021).

13. Лисюткин А.Б. Проблема ошибок в правовой науке / А.Б. Лисютин // Юриспруденция. – 1995. – N 3. – С. 18-20.

14. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / И.М. Зайцев. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. – 136 с.

15. Дюрягин И.Я. Гражданин и закон / И.Я. Дюрягин. – 2-е изд., с изм. и доп. – М.: Юрид. лит., 1991. – 368 с.

16. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Рос. право, 1992. – 207 с.

17. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.

18. Стародубова Л.В. Злоупотребление правом на примере потребительского экстремизма / Л.В. Стародубова // Слагаемые качества современного гуманитарного образования: сборник материалов XVII Международной научно-методической конференции, Филиал ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия» в г. Тольятти, ЧУ «Центрально – Казахстанская Академия», 2020. – Самара: Изд-во СаГА, 2020. – С. 82-87.

19. Статья 10 «Пределы осуществления гражданских прав» / Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 года N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/ (дата обращения 06.03.2021).

20. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты / Ю.Н. Андреев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. – 374 с.

21. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: Власть и правопорядок / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. – 1994. – N 1.

22. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия / Тихомиров Ю.А. – М.: Манускрипт, 1994. – 140 с.

23. Юридический конфликт - сферы и механизмы / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во РАН, 1994. – 172 с.

24. Малько А.В. стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / СГАП; под ред. Матузова Н.И. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1994. – 182 с.

25. Шабуров А.С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение // Теория государства и права: учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 616 с.

26. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2001. – 432 с.

27. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.
28. Нерсесянц В.С. Теория государства и права: Краткий учебный курс / В.С. Нерсесянц. – М., 2001.
29. Журавлев М.П. Состав преступления / Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А.Я. Сухарев. – М., 2009.
30. Ожегова Г.А. Проблемы теории объекта правонарушений: монография / Г.А. Ожегова. – М.: Nota Bene, 2007. – 160 с.
31. Вопленко Н.Н. Правонарушение и юридическая ответственность: монография / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 136 с.
32. Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2002. – 246 с.
33. Кожевников С.Н. Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание / С.Н. Кожевников. – Н. Новгород: ООО «Общество «Интелсервис», 2001. – 72 с.
34. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность / А.А. Иванов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 120 с.
35. Галузин А.Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Самара, 1996. – 200 с.
36. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности: монография / Ю.А. Денисов. – Л.: ЛГУ, 1983. – 142 с.
37. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.
38. Маштаков И.В. Проблемы теории правонарушения: монография / И.В. Маштаков. – Самара: СаГА, 2003. – 160 с.
39. Габричидзе Б.Н. Юридическая ответственность / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М.: Альфа-М, 2005. – 686 с.

40. Кулапов В.Л. Правомерное поведение и правонарушение // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2000. – С. 586.
41. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 2004. – С. 491.
42. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2002. – С. 420.
43. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: Юрист, 2000. – 616 с.
44. Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций / А.В. Малько. – Саратов, 2004.
45. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46, Ч. 1 – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1968. – 545 с.
46. Прохоров В.С. Преступление и ответственность / В.С. Прохоров. – Л.: ЛГУ, 1984. – 78 с.
47. Благоев Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения: межвуз. сб. – Красноярск: Красноярский университет, 1989.
48. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
49. Коржанский Н.И. Предмет преступления / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1976. – 119 с.
50. Момджян К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие / К.Х. Момджян. – М., 1986. – 288 с.
51. Дроздов В.А. Человек и общественные отношения / В.А. Дроздов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
52. Перфильев М.Н. Общественные отношения. Вопросы общей теории / М.Н. Перфильев. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
53. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. – М.: Юрид. Лит., 1980. – 176 с.

54. Глистин В.К. Общее учение об объекте преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1981. – 30 с.
55. Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация: учебное пособие / В.Р. Кисин. – М.: Изд-во МВШМ МВД РСФСР, 1991. – 58 с.
56. Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2002. – 215 с.
57. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. - 648 с.
58. Лозебник Ю.В. Состав преступления и его элементы / Ю.В. Лозебник. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2000.
59. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М., 1997.
60. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве / В.Я. Таций. – Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1988. – 198 с.
61. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 30 марта 2001 года «О практике применения законодательства по защите интеллектуальной собственности, состоянии прокурорского надзора и мерах по усилению борьбы с пиратством в аудиовизуальной сфере» // Прокурорский надзор: Сборник нормативно-правовых актов. – М., 2004. – С. 274.
62. Статья 1225 Гражданского кодекса РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» / Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 N 230-ФЗ (в ред. от 17.01.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_do

c_LAW_64629/2a4870fda21fdffc70bade7ef80135143050f0b1/ (дата обращения 04.03.2021).

63. Гельфер М.Ф. Объект преступления / М.Ф. Гельфер // Записки ВЮЗИ. – Вып. 5. – М., 1960. – С. 12-22.

64. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е.А. Фролов // Сб. науч. тр. Свердл. юрид. ин-та. – Свердловск, 1969. – С. 184-225.

65. Бахрах Д.Н. Состав административного проступка / Д.Н. Бахрах – Свердловск: УрГЮА, 1991. – 197 с.

66. Кузьмичева Г.А. Административная ответственность / Г.А. Кузьмичева, Л.А. Калинина. – М.: Юриспруденция, 2004. – 24 с.

67. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – 624 с.

68. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 1980. – 445 с.

69. Чупрова А.Ю. К вопросу о понятийном аппарате в разделе о преступлениях в сфере экономики / А.Ю. Чупрова, Е.В. Чупрова // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. – Ярославль, 2000.

70. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. Методологические аспекты / Н.И. Коржанский – М., 1980. – 247 с.

71. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 07.03.2021).

72. Положение о проведении торгов на право заключения договора аренды объектов недвижимости, находящихся в федеральной собственности (утратило силу) / Распоряжение Мингосимущества РФ от 28.07.1998 N 774-р // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19714/1c00eeb6e7d4308142e9dfaad95c3caa614eb7ec/#dst100009 (дата обращения 08.03.2021).

73. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от от 05.06.2002 N 14 (ред. от 18.10.2012) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37182/ (дата обращения 08.03.2021).

74. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны и окружающей среды / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения 08.03.2021).

75. О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности (утратил силу) / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. N 5 // Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/1305013/> (дата обращения 08.03.2021).

76. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. // Судебная практика по уголовным делам / Сост. Г.А. Есаков. – М.: Изд-во Проспект, 2005. – С. 574-575.

77. О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ / Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986г. N 16 // Судебная практика по уголовным делам / Сост. Г.А. Есаков. – М.: Изд-во Проспект, 2005. – С. 59-63.

78. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 30 января 1996 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – N 2. – С. 11.
79. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2003. – 896 с.
80. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: «Сов. энциклопедия», 1989. – 815 с.
81. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М.: «ЭКСМО-Пресс», 2002. – 667 с.
82. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
83. Лапач В.А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения / В.А. Лапач // Журнал российского права. – 2001. – N 10. – С. 90-106.
84. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина – М.: «Юрид. лит.», 1974. – 351 с.
85. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949 // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе – М.: «Статут», 2003. – С. 512-700.
86. Александров Н.Г. Правовые отношения в социалистическом обществе / Александров Н.Г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. – 45 с.
87. Брагинский М.ИВ. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М.: «Статут», 2003. – 800 с.
88. Протасов В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов – М.: «Юрид. лит.», 1991. – 141 с.
89. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 552 с.

90. Коваленко А.И. Теория государства и права / А.И. Коваленко – М.: «Новый Юрист», 1997. – 208 с.
91. Спиридонов Л.И. Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны / Л.И. Спиридонов – М.: Акад. МВД СССР, 1977. – 30 с.
92. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: «Госюриздат», 1957 / Трайнин А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 15-246.
93. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны / Н.И. Коржанский – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
94. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Дисс. ... д-ра. юрид. наук. Свердловск, 1971. – 575 с.
95. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – М.: Издательство Ленингр. ун-та, 1968. – 646 с.
96. Панченко П.Н. Исследование объекта и предмета преступления / рецензия на книгу Коржанского Н.И. «Объект посягательства и квалификация преступлений» / П.Н. Панченко // Проблемы борьбы с преступностью. Сборник научных трудов. – Омск, 1979. – С.159-163.
97. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая / А.А. Герцензон. – М., Изд-во РИО ВЮА, 1948. – 496 с.
98. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В.К. Глистин – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 127 с.
99. Гельфер М.А. Объект преступления / М.А. Гельфер // Лекции по Общей части уголовного права. Вып. 5. – М., 1969. – 20 с.
100. Денисова А.С. Отграничение орудий и средств совершения преступления от предмета преступления / А.С. Денисова // Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции

«Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». – М.: Изд-во «Проспект», 2005. – С. 121-125.

101. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 184 с.

102. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Часть Общая. Т. 2 / А.А. Пионтковский – Л., 1968.

103. Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности / Д.Н. Бахрах – Пермь, 1969. – 319 с.

104. Никифоров Б.С. Объект преступления / Б.С. Никифоров – М.: Юрид. лит., 1960.

105. Анисимов В.Ф. Классификация административных проступков / В.Ф. Анисимов. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2001. – 160 с.

106. Семченко И.П. Объект преступления, социально-философские и методологические аспекты проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2003. – 192 с.

107. Кудрявцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву / В.Н. Кудрявцев // Труды Военно-юридической академии. Вып. 13. – М., 1951.

108. Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1951. – № 8. – С. 51-60.

109. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко – М.: Юридическая литература, 1963. – 286 с.

110. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960. – 232 с.

111. Приговор от 30 июля 2020 г. по уголовному делу N В1-2-27/2020 / Богатовский районный суд Самарской области // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XnkWesbwbadR/> (дата обращения 05.03.2021).

112. Приговор от 30 июля 2020 г. по уголовному делу N 1-101/2020 / Сызранский городской суд Самарской области // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pscCTdzoctmZ/> (дата обращения 05.03.2021).

113. Решение от 28 мая 2020 г. по гражданскому делу N 2-1452/2020 / Октябрьский районный суд г. Самары // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bS8eoEyVnB5V/> (дата обращения 05.03.2021).

114. Архипов С.И. Субъект права / С.И. Архипов – СПб.: Юридический центр, 2004. – 466 с.

115. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко – М.: Юридическая литература, 1980. – 176 с.

116. Липинский Д. А. Принципы и правоотношения юридической ответственности / под. ред. Хачатурова Р. Л. – М., 2003. – 231 с.

117. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения 06.03.2021).

118. Статья 42 «Потерпевший» / Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/20f6bcf74bc2d04ca21619cb67cb7d3c528cb5a9/ (дата обращения 06.03.2021).

119. Статья 25.2 «Потерпевший» / Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.03.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a31cc985445a64e5e4faee48e2c90788568e682e/ (дата обращения 06.03.2021).

120. Булгаков Д.В. Потерпевший в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

121. Липинский Д.А. Принципы и правоотношения юридической ответственности / Д.А. Липинский. – М.: Изд-во Nota Bene, 2003. – 231 с.

122. Шириков А.С. Социальная вредность правонарушений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.

123. Статья 17 «Правоспособность гражданина» / Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/aa024bea4fbdd5649c70f098847671c246cf90ec/ (дата обращения 07.03.2021).

124. Уголовное законодательство зарубежных стран: Сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Зерцало Москва, 1998. – 352 с.

125. Kenny C.S. Outlines of criminal Law / C.S. Kenny, J.W.C. Turner – London: Cambridge University Press; 19th edition, 1966 – 756 p.

126. Парий А.В. Потерпевший от преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства США (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Волгоград, 1997.

127. Фаргиев И.А. О соотношении объекта преступления и потерпевшего от преступления / И.А. Фаргиев // Lex russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2004. – N 3. – С. 734-742.

128. Зубач А.В. Потерпевший как участник производства по делам об административных правонарушениях: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 – М., 2003. – 142 с.

129. Статья 38 «Стороны» / Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.03.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/6b58bd70c3176240c638ba06b5852fb675edd935/ (дата обращения 07.03.2021).

130. Коржанский Н.И. Предмет преступления / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1986.

131. Кудрявцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1951. – N 8. – С. 18-24.

132. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Изд-во МГУ, 1974.

133. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность / А.В. Кузнецов – М.: Юридическая литература, 1977. – 168 с.

134. Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву / М.И. Федоров // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Т. 2. Вып. 4. Кн. 2. – Пермь, 1977.

135. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 208 с.

136. Гаухман Л.Д. Объект преступления: Лекция / Л.Д. Гаухман. – М.: Акад. МВД России, 1992. – 29 с.

137. Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Челябинск, 2007. – 27 с.

138. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: Теоретико-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2005. – 196 с.

139. Sanchez S. Different Types of Crimes and Offenses / S. Sanchez // Introduction to the American Criminal Justice System / A.S. Burke, D. Carter, V. Fedorek, T. Morey, L. Rutz-Burri, S. Sanchez. – Oregon: OpenOregon, 2019 – 274 p. – URL: <https://openoregon.pressbooks.pub/ccj230/> (дата обращения 12.03.2021).

140. Fox. J. Introduction to Criminal Law in Timor-Leste / J. Fox, K. Hubbard, J. Iwata, Z. Kruth, H. Owusu, S. Saunders. – Palo Alto: Stanford University, 2014. – 341 p.

141. Adaptation of Social Problems: Continuity and Change / University of Minnesota Writing Team. – Minnesota: University of Minnesota Libraries Publishing, 2016 // Project «Lumen Learning». – URL: <https://courses.lumenlearning.com/atd-herkimer-socialproblems/> (дата обращения 12.03.2021).

142. Стародубова Л.В. Факторы доступности правосудия: определение и классификация / Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – N 4 (43). – С. 29-34.

143. Стародубова Л.В. Влияние факторов доверия к судебной системе и проявлений правового нигилизма на доступность правосудия в Российской Федерации / Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридический науки. – 2020. – N 3 (42). – С. 43-48.

144. Чуклова Е.В. Понятие, основание и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Краснодар, 2009. – 28 с.

145. Lipinsky D.A. Procedural Offence: The Concept and Characteristics / D.A. Lipinsky, E.V. Chuklova // Herald of Civil Procedure. – 2017. – N 4. – P. 39-61.

146. Сопронюк О.А. Кримінальне процесуальне правопорушення як підстава застосування санкцій у кримінальному провадженні / О.А. Сопронюк // Науковий вісник публічного та приватного права. – 2019. – N 1 (1). – С. 228-232.

147. Аханов В.И. Специальные признаки процессуального правонарушения / В.И. Аханов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – N 3 (98). – С. 187-192.

148. Ковалевская Н.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных правонарушений / Н.В. Ковалевская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – N 3 (152). – С. 96-100.

149. Чечина Н. А. Понятие гражданской процессуальной ответственности / Н.А. Чечина // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 210-212.

150. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: Дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.

151. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / Всесоюзный институт юридических наук; И.С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1963. – 286 с.

152. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин.– М.: Юрид. лит., 1985. – 192 с.

153. Афанасьев С.Ф. Гражданский процесс: учебное пособие / С.Ф. Афанасьев, А.И. Зайцев. – М.: Норма, 2008. – 496 с.

154. Гальперин М.Л. К вопросу о гражданском процессуальном нарушении / М.Л. Гальперин // Законодательство. – 2008. – N 5. – С. 71–81.